Малая книга с историей

Д. Н. Мамин-Сибиряк

Сказки

Иллюстрации Е. Кузнецовой

Сказки

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк

Аннотация
Д. Н. Мамин-Сибиряк. Сказки
Серая Шейка
I
II
III
IV
Лесная сказка
I
II
III
IV
Упрямый козёл
I
II
III
IV
Сказка про славного царя Гороха и его прекрасных дочерей царевну Кутафью и царевну Горошинку
I
II

III
IV
V
VI
VII
VIII
IX
X
XI
XII
XIII
XIV
XV

Аннотация

В новую книгу серии «Малая книга с историей» вошли избранные произведения замечательного русского писателя Дмитрия Наркисовича Мамина-Сибиряка (1852–1912): Серая шейка, Лесная сказка, Упрямый козёл и Сказка про славного царя Гороха и его прекрасных дочерей царевну Кутафью и царевну Горошинку.

Иллюстрации созданы специально для этого сборника талантливой художницей Еленой Кузнецовой.

Д. Н. Мамин-Сибиряк
Сказки

© Е. Кузнецова, иллюстрации, 2019
© АО «Издательский Дом Мещерякова», 2019

Серая Шейка

I

Первый осенний холод, от которого пожелтела трава, привёл всех птиц в большую тревогу. Все начали готовиться в далёкий путь, и все имели такой серьёзный, озабоченный вид. Да, нелегко перелететь пространство в несколько тысяч вёрст… Сколько бедных птиц дорогой выбьются из сил, сколько погибнут от разных случайностей, — вообще было о чём серьёзно подумать.

Серьёзная, большая птица, как лебеди, гуси и утки, собиралась в дорогу с важным видом, сознавая всю трудность предстоящего подвига; а более всех шумели, суетились и хлопотали маленькие птички, как кулички-песочники, кулички-плавунчики, чернозобики, черныши, зуйки. Они давно уж собирались стайками и переносились с одного берега на другой по отмелям и болотам с такой быстротой, точно кто бросил горсть гороху. У маленьких птичек была такая большая работа…

Лес стоял тёмный и молчаливый, потому что главные певцы улетели, не дожидаясь холода.

— И куда эта мелочь торопится! — ворчал старый Селезень, не любивший себя беспокоить. — В

своё время все улетим… Не понимаю, о чём тут беспокоиться!

— Ты всегда был лентяем, поэтому тебе и неприятно смотреть на чужие хлопоты, — объяснила его жена, старая Утка.

— Я был лентяем? Ты просто несправедлива ко мне, больше ничего. Может быть, я побольше всех забочусь, а только не показываю вида. Толку от этого немного, если буду бегать с утра до ночи по берегу, кричать, мешать другим, надоедать всем.

Утка вообще была не совсем довольна своим супругом, а теперь окончательно рассердилась.

— Ты посмотри на других-то, лентяй! Вон наши соседи, гуси или лебеди, — любо на них посмотреть. Живут душа в душу… Небось лебедь или гусь не бросит своего гнезда и всегда впереди выводка. Да, да… А тебе до детей и дела нет. Только и думаешь о себе, чтобы набить зоб. Лентяй, одним словом… Смотреть-то на тебя даже противно!

— Не ворчи, старуха!.. Ведь я ничего не говорю, что у тебя такой неприятный характер. У всякого есть свои недостатки… Я не виноват, что гусь — глупая птица и поэтому нянчится со своим выводком. Вообще моё правило — не вмешиваться в чужие дела. Зачем? Пусть всякий живёт по-своему.

Селезень любил серьёзные рассуждения, причём оказывалось как-то так, что именно он, Селезень, всегда прав, всегда умён и всегда лучше всех. Утка давно к этому привыкла, а сейчас волновалась по совершенно особенному случаю.

— Какой ты отец! — накинулась она на мужа. — Отцы заботятся о детях, а тебе — хоть трава не расти!..

— Ты это о Серой Шейке говоришь? Что же я могу поделать, если она не может летать? Я не виноват…

Серой Шейкой они называли свою калеку дочь, у которой было переломлено крыло ещё весной, когда подкралась к выводку Лиса и схватила утёнка. Старая Утка смело бросилась на врага и отбила утёнка; но одно крылышко оказалось сломанным.

— Даже и подумать страшно, как мы покинем здесь Серую Шейку одну, — повторяла Утка со слезами. — Все улетят, а она останется одна-одинёшенька. Да, совсем одна… Мы улетим на юг, в тепло, а она, бедняжка, здесь будет мёрзнуть… Ведь она наша дочь, и как я её люблю, мою Серую Шейку! Знаешь, старик, останусь-ка я с ней зимовать здесь вместе…

— А другие дети?

— Те здоровы, обойдутся и без меня.

Селезень всегда старался замять разговор, когда речь заходила о Серой Шейке. Конечно, он тоже любил её, но зачем же напрасно тревожить себя? Ну, останется, ну, замёрзнет, — жаль, конечно, а всё-таки ничего не поделаешь. Наконец, нужно подумать и о других детях. Жена вечно волнуется, а нужно смотреть на вещи серьёзно. Селезень про себя жалел жену, но не понимал в полной мере её материнского горя. Уж лучше было бы, если бы тогда Лиса совсем съела Серую Шейку, — ведь всё равно она должна погибнуть зимою.

II

Старая Утка ввиду близившейся разлуки относилась к дочери-калеке с удвоенной нежностью. Бедняжка ещё не знала, что такое разлука и одиночество, и смотрела на сборы других в дорогу с любопытством новичка. Правда, ей иногда делалось завидно, что её братья и сёстры так весело собираются к отлёту, что они будут опять где-то там, далеко-далеко, где не бывает зимы.

— Ведь вы весной вернётесь? — спрашивала Серая Шейка у матери.

— Да, да, вернёмся, моя дорогая… И опять будем жить все вместе.

Для утешения начинавшей задумываться Серой Шейки мать рассказала ей несколько таких же случаев, когда утки оставались на зиму. Она была лично знакома с двумя такими парами.

— Как-нибудь, милая, пробьёшься, — успокаивала старая Утка. — Сначала поскучаешь, а потом привыкнешь. Если бы можно было тебя перенести на тёплый ключ, что и зимой не замерзает, — совсем было бы хорошо. Это недалеко отсюда… Впрочем, что же и говорить-то попусту, всё равно нам не перенести тебя туда!

— Я буду всё время думать о вас… — повторяла бедная Серая Шейка. — Всё буду думать: где вы, что вы делаете, весело ли вам? Всё равно и будет, точно и я с вами вместе.

Старой Утке нужно было собрать все силы, чтобы не выдать своего отчаяния. Она старалась казаться весёлой и плакала потихоньку от всех. Ах, как ей было жаль милой, бедненькой Серой Шейки… Других детей она теперь почти не замечала, не обращала на них внимания, и ей казалось, что она даже совсем их не любит.

А как быстро летело время… Был уже целый ряд холодных утренников, а от инея пожелтели берёзки и покраснели осины. Вода в реке потемнела, и сама река казалась больше, потому что берега оголели, — береговая поросль быстро теряла листву. Холодный осенний ветер обрывал засыхавшие листья и уносил их. Небо часто покрывалось тяжёлыми осенними облаками, ронявшими мелкий осенний дождь. Вообще хорошего было мало, и который день уже неслись мимо стаи перелётной птицы… Первыми тронулись болотные птицы, потому что болота уже начинали замерзать. Дольше всех оставались водоплавающие. Серую Шейку больше всего огорчал перелёт журавлей, потому что они так

жалобно курлыкали, точно звали её с собой. У неё ещё в первый раз сжалось сердце от какого-то тайного предчувствия, и она долго провожала глазами уносившуюся в небе журавлиную стаю.

«Как им, должно быть, хорошо», — думала Серая Шейка.

Лебеди, гуси и утки тоже начинали готовиться к отлёту. Отдельные гнёзда соединялись в большие стаи. Старые и бывалые птицы учили молодых. Каждое утро эта молодёжь с весёлым криком делала большие прогулки, чтобы укрепить крылья для далёкого перелёта. Умные вожаки сначала обучали отдельные партии, а потом всех вместе. Сколько было крика, молодого веселья и радости… Одна Серая Шейка не могла принимать участия в этих прогулках и любовалась ими только издали. Что делать, приходилось мириться со своей судьбой. Зато как она плавала, как ныряла! Вода для неё составляла всё.

— Нужно отправляться… пора! — говорили старики вожаки. — Что нам здесь ждать!

А время летело, быстро летело… Наступил и роковой день. Вся стая сбилась в одну живую кучу на реке. Это было ранним осенним утром, когда вода ещё была покрыта густым туманом. Утиный косяк сбился из трёхсот штук. Слышно было

только кряканье главных вожаков. Старая Утка не спала всю ночь, — это была последняя ночь, которую она проводила вместе с Серой Шейкой.

— Ты держись вон около того берега, где в реку сбегает ключик, — советовала она. — Там вода не замерзает целую зиму…

Серая Шейка держалась в стороне от косяка, как чужая… Да, все были так заняты общим отлётом, что на неё никто не обращал внимания. У старой Утки изболелось всё сердце, глядя на бедную Серую Шейку. Несколько раз она решала про себя, что останется; но как останешься, когда есть другие дети и нужно лететь вместе с косяком?…

— Ну, трогай! — громко скомандовал старый вожак, и стая поднялась разом вверх.

Серая Шейка осталась на реке одна и долго провожала глазами улетевший косяк. Сначала все летели одной живой кучей, а потом вытянулись в правильный треугольник и скрылись.

«Неужели я совсем одна? — думала Серая Шейка, заливаясь слезами. — Лучше бы было, если бы тогда Лиса меня съела…»

III

Река, на которой осталась Серая Шейка, весело катилась в горах, покрытых густым лесом. Место было глухое, и никакого жилья кругом. По утрам вода у берегов начинала замерзать, а днём тонкий, как стекло, лёд таял.

«Неужели вся река замёрзнет?» — думала Серая Шейка с ужасом.

Скучно ей было одной, и она всё думала про своих улетевших братьев и сестёр. Где-то они сейчас? Благополучно ли долетели? Вспоминают ли про неё? Времени было достаточно, чтобы подумать обо всём. Узнала она и одиночество. Река была пуста, и жизнь сохранялась только в лесу, где посвистывали рябчики, прыгали белки и зайцы. Раз со скуки Серая Шейка забралась в лес и страшно перепугалась, когда из-под куста кубарем вылетел Заяц.

— Ах, как ты меня напугала, глупая! — проговорил Заяц, немного успокоившись. — Душа в пятки ушла… И зачем ты толчёшься здесь? Ведь все утки давно улетели…

— Я не могу летать: Лиса мне крылышко перекусила, когда я ещё была совсем маленькой…

— Уж эта мне Лиса!.. Нет хуже зверя. Она и до меня давно добирается… Ты берегись её, особенно когда река покроется льдом. Как раз сцапает…

Они познакомились. Заяц был такой же беззащитный, как и Серая Шейка, и спасал свою жизнь постоянным бегством.

— Если бы мне крылья, как птице, так я бы, кажется, никого на свете не боялся!.. У тебя вот хоть и крыльев нет, так зато ты плавать умеешь, а не то возьмёшь и нырнёшь в воду, — говорил он. — А я постоянно дрожу со страху… У меня — кругом враги. Летом ещё можно спрятаться куда-нибудь, а зимой всё видно.

Скоро выпал и первый снег, а река всё ещё не поддавалась холоду. Всё, что замерзало по ночам, вода разбивала. Борьба шла не на живот, а на смерть. Всего опаснее были ясные, звёздные ночи, когда всё затихало и на реке не было волн. Река точно засыпала, и холод старался сковать её льдом сонную. Так и случилось. Была тихая-тихая звёздная ночь. Тихо стоял тёмный лес на берегу, точно стража из великанов. Горы казались выше, как это бывает ночью. Высокий месяц обливал всё своим трепетным, искрившимся светом. Бурлившая днём горная река присмирела, и к ней тихо-тихо подкрался холод, крепко-крепко обнял

гордую, непокорную красавицу и точно прикрыл её зеркальным стеклом. Серая Шейка была в отчаянии, потому что не замёрзла только самая середина реки, где образовалась широкая полынья. Свободного места, где можно было плавать, оставалось не больше пятнадцати сажен. Огорчение Серой Шейки дошло до последней степени, когда на берегу показалась Лиса, — это была та самая Лиса, которая переломила ей крыло.

— А, старая знакомая, здравствуй! — ласково проговорила Лиса, останавливаясь на берегу. — Давненько не видались… Поздравляю с зимой.

— Уходи, пожалуйста, я совсем не хочу с тобой разговаривать, — ответила Серая Шейка.

— Это за мою-то ласку! Хороша же ты, нечего сказать!.. А впрочем, про меня много лишнего говорят. Сами наделают что-нибудь, а потом на меня и свалят… Пока — до свиданья!

Когда Лиса убралась, приковылял Заяц и сказал:

— Берегись, Серая Шейка: она опять придёт.

И Серая Шейка тоже начала бояться, как боялся Заяц. Бедная даже не могла любоваться творившимися кругом неё чудесами. Наступила уже настоящая зима. Земля была покрыта белоснежным ковром. Не оставалось ни одного тёмного

пятнышка. Даже голые берёзы, ольхи, ивы и рябины убирались инеем, точно серебристым пухом. А ели сделались ещё важнее. Они стояли засыпанные снегом, как будто надели дорогую тёплую шубу. Да, чу́дно, хорошо было кругом; а бедная Серая Шейка знала только одно, что эта красота не для неё, и трепетала при одной мысли, что её полынья вот-вот замёрзнет и ей некуда будет деться. Лиса действительно пришла через несколько дней, села на берегу и опять заговорила:

— Соскучилась я по тебе, уточка… Выходи сюда; а не хочешь, так я сама к тебе приду. Я не спесива…

И Лиса принялась ползти осторожно по льду к самой полынье. У Серой Шейки замерло сердце. Но Лиса не могла подобраться к самой воде, потому что лёд был ещё очень тонок. Она положила голову на передние лапки, облизнулась и проговорила:

— Какая ты глупая, уточка… Вылезай на лёд! А впрочем, до свиданья! Я тороплюсь по своим делам…

Лиса начала приходить каждый день — проведать, не застыла ли полынья. Наступившие морозы делали своё дело. От большой полыньи

оставалось всего одно окно в сажень величиной. Лёд был крепкий, и Лиса садилась на самом краю. Бедная Серая Шейка со страху ныряла в воду, а Лиса сидела и зло подсмеивалась над ней:

— Ничего, ныряй, а я тебя всё равно съем… Выходи лучше сама.

Заяц видел с берега, что проделывала Лиса, и возмущался всем заячьим сердцем:

— Ах, какая бессовестная эта Лиса… Какая несчастная эта Серая Шейка! Съест её Лиса…

IV

По всей вероятности, Лиса и съела бы Серую Шейку, когда полынья замёрзла бы совсем, но случилось иначе. Заяц всё видел своими собственными косыми глазами.

Дело было утром. Заяц выскочил из своего логовища покормиться и поиграть с другими зайцами. Мороз был здоровый, и зайцы грелись, поколачивая лапку о лапку. Хотя и холодно, а всё-таки весело.

— Братцы, берегитесь! — крикнул кто-то.

Лиса принялась ползти осторожно по льду к самой полынье

Действительно, опасность была на носу. На опушке леса стоял сгорбленный старичок охотник, который подкрался на лыжах совершенно неслышно и высматривал, которого бы зайца застрелить.

«Эх, тёплая старухе шуба будет», — соображал он, выбирая самого крупного зайца.

Он даже прицелился из ружья, но зайцы его заметили и кинулись в лес как сумасшедшие.

— Ах, лукавцы! — рассердился старичок. — Вот ужо я вас… Того не понимают, глупые, что нельзя старухе без шубы. Не мёрзнуть же ей… А вы Акинтича не обманете, сколько ни бегайте. Акинтич-то похитрей будет… А старуха Акинтичу вон как наказывала: «Ты смотри, старик, без шубы не приходи!» А вы сигать…

Старичок пустился разыскивать зайцев по следам, но зайцы рассыпались по лесу, как горох. Старичок порядком измучился, обругал лукавых зайцев и присел на берегу реки отдохнуть.

— Эх, старуха, старуха, убежала наша шуба! — думал он вслух. — Ну, вот отдохну и пойду искать другую…

Сидит старичок, горюет, а тут, глядь, Лиса по

реке ползёт, — так и ползёт, точно кошка.

— Ге-ге, вот так штука! — обрадовался старичок. — К старухиной-то шубе воротник сам ползёт… Видно, пить захотела, а то, может, и рыбки вздумала половить.

Лиса действительно подползла к самой полынье, в которой плавала Серая Шейка, и улеглась на льду.

Стариковские глаза видели плохо и из-за Лисы не замечали утки. «Надо так её застрелить, чтобы воротника не испортить, — соображал старик, прицеливаясь в Лису. — А то вот как старуха будет браниться, если воротник-то в дырьях окажется… Тоже своя сноровка везде надобна, а без снасти и клопа не убьёшь».

Старичок долго прицеливался, выбирая место в будущем воротнике. Наконец грянул выстрел. Сквозь дым от выстрела охотник видел, как что-то метнулось на льду, — и со всех ног кинулся к полынье; по дороге он два раза упал, а когда добежал до полыньи, то только развёл руками, — воротника как не бывало, а в полынье плавала одна перепуганная Серая Шейка.

— Вот так штука! — ахнул старичок, разводя руками. — В первый раз вижу, как лиса в утку обратилась. Ну, и хитёр зверь.

— Дедушка, Лиса убежала, — объяснила Серая Шейка.

— Убежала? Вот тебе, старуха, и воротник к шубе… Что же я теперь буду делать, а? Ну и грех вышел… А ты, глупая, зачем тут плаваешь?

— А я, дедушка, не могла улететь вместе с другими. У меня одно крылышко попорчено…

— Ах, глупая, глупая! Да ведь замёрзнешь тут или Лиса тебя съест! Да…

Старичок подумал-подумал, покачал головой и решил:

— А мы вот что с тобой сделаем: я тебя внучка́м унесу. Вот-то обрадуются… А весной ты старухе яичек нанесёшь да утяток выведешь. Так я говорю? Вот то-то, глупая…

Старичок добыл Серую Шейку из полыньи, положил за пазуху

Старичок добыл Серую Шейку из полыньи, положил за пазуху. «А старухе я ничего не скажу, — соображал он, направляясь домой. — Пусть её шуба с воротником вместе ещё погуляет в лесу. Главное: внучки вот как обрадуются…»

Зайцы всё это видели и весело смеялись. Ничего, старуха и без шубы на печке не замёрзнет.

Лесная сказка

I

У реки, в дремучем лесу, в один прекрасный зимний день остановилась толпа мужиков, приехавших на санях. Подрядчик [1] обошёл весь участок и сказал:

— Вот здесь рубите, братцы… Ельник отличный. Лет по сто каждому дереву будет…

Он взял топор и постучал обухом по стволу ближайшей ели. Великолепное дерево точно застонало, а с мохнатых зелёных ветвей покатились комья пушистого снега. Где-то в вершине мелькнула белка, с любопытством глядевшая на необыкновенных гостей; а громкое эхо прокатилось по всему лесу, точно разом заговорили все эти зелёные великаны, занесённые снегом. Эхо замерло далёким шёпотом, будто деревья спрашивали друг друга: кто это приехал? Зачем?…

— Ну, а вот эта старушка никуда не годится… — прибавил подрядчик, постукивая обухом стоящую ель с громадным дуплом. — Она наполовину гнилая.

— Эй ты, невежа, — крикнула сверху Белка. —

---

[1] Примечания: 1
Подрядчик — руководитель работ.

Как ты смеешь стучать в мой дом? Ты приехал только сейчас, а я прожила в дупле этой самой ели целых пять лет.

Она щёлкнула зубами, распушила хвост и так зашипела, что даже самой сделалось страшно. А невежа-подрядчик не обратил на неё никакого внимания и продолжал указывать рабочим, где следовало начать порубку, куда складывать дрова и хворост.

Что было потом, трудно даже рассказать. Никакое перо не опишет того ужаса, который совершился в каких-нибудь две недели. Сто лет рос этот дремучий ельник, и его не стало в несколько дней. Люди рубили громадные деревья и не замечали, как из свежих ран сочились слёзы: они принимали их за обыкновенную смолу. Нет, деревья плакали безмолвными слезами, как люди, когда их придавит слишком большое горе. А с каким стоном падали подрубленные деревья, как жалобно они трещали!.. Некоторые даже сопротивлялись, не желая поддаваться ничтожному человеку: они хватались ветвями за соседние деревья во время своего падения. Но всё было напрасно: и слёзы, и стоны, и сопротивление! Тысячи деревьев лежали мёртвыми, как на поле сражения, а топор всё продолжал своё дело. Дере-

вья-трупы очищались от хвои, затем оголённые стволы разрубались на равные части и складывались правильными рядами в поленницы дров. Да, самые обыкновенные поленницы, которые мы можем видеть везде, но не всегда думаем, сколько живых деревьев изрублено в такую поленницу и сколько нужно было долгих-долгих лет, чтобы такие деревья выросли.

Уцелела одна старая ель с дуплом, в котором жила старая Белка со своей семьёй. Под этой елью рабочие устроили себе балаган [2] и спали в нём. Целые дни перед балаганом горел громадный костёр, лизавший широким, огненным языком нижние ветки развесистого дерева. Зелёная хвоя делалась красной, тлела, а потом оставались одни обгоревшие сучья, топорщившиеся, как пальцы. Старая Белка была возмущена до глубины души этим варварством [3] и громко говорила:

— Для чего всё это сделано?... Кому мешал красавец лес? Противные люди! Нарочно придумали железные топоры, чтобы рубить ими деревья... Кому это нужно, чтобы вместо живого, зелёного леса стояли какие-то безобразные поленницы?

---

[2] Примечания: 2
Балага́н — деревянная постройка.

[3] Примечания: 3
Ва́рварство — грубость, жестокость.

Не правда ли, старушка Ель?

— Я ничего не знаю и ничего не понимаю, — грустно ответила Ель, вздрагивая от ужаса. — Моё горе настолько велико, что я не могу даже подумать о случившемся… Лучше было погибнуть и мне вместе с другими, чтобы не видеть всего, что происходило у меня на глазах. Ведь все эти срубленные деревья — мои дети. Я радовалась, когда они были молодыми деревцами, радовалась, глядя, как они весело росли, крепли и поднимались к самому небу. Нет, это ужасно… Я не могу ни говорить, ни думать!.. Конечно, каждое дерево когда-нибудь должно погибнуть от собственной старости; но это совсем не то, когда видишь срубленными тысячи деревьев в расцвете сил, молодости и красоты.

Люди, срубившие деревья, почти совсем не говорили о них, точно всё так было, как должно быть. Они заботились теперь о том, как бы поскорее вывезти заготовленные дрова и уехать самим. Может быть, их мучила совесть, а может быть, им надоело жить в лесу, — вернее, конечно, последнее.

Уцелела одна старая ель с дуплом, в котором жила старая Белка со своей семьёй

К ним на помощь явились другие. Они в несколько дней сложили приготовленные дрова на воза и увезли, оставив одни пни и кучи зелёного хвороста. Вся земля была усыпана щепками и сором, так что зимнему ветру стоило больших хлопот засыпать эту безобразную картину свежим, пушистым снегом.

— Где же справедливость? — жаловалась Ветру старая Ель. — Что мы сделали этим злым людям с железными топорами?

— Они совсем не злые, эти люди, — ответил Ветер. — А просто ты многого не знаешь, что делается на свете.

— Конечно, я сижу дома, не шатаюсь везде, как ты, — угрюмо заметила Ель, недовольная замечанием своего старого знакомого. — Да я и не желаю знать всех несправедливостей, какие делаются. Мне довольно своего домашнего дела.

— Ты, Ветер, много хвастаешься, — заметила в свою очередь старая Белка. — Что же ты можешь знать, когда должен постоянно лететь сломя голову всё вперёд? Потом, ты делаешь часто большие неприятности и мне и деревьям: нагонишь холоду, снегу…

— А кто летом гонит к вам дождевые облака? Кто весною обсушит землю? Кто?… Нет, мне некогда с вами разговаривать! — ещё более хвастливо ответил Ветер и улетел. — Прощайте, пока…

— Самохвал!.. — заметила вслед ему Белка.

С Ветром у леса велись искони [4] неприятные счёты главным образом зимой, когда он приносил страшный северный холод и сухой, как толчёное стекло, снег. Деревья к северу повёртывались спиной и тянулись своими ветвями на юг, откуда веяло благодатным теплом. Но в густом лесу, где деревья защищали друг друга, Ветер мог морозить только одни вершины, а теперь он свободно гулял по вырубленному месту, точно хозяин, и это приводило старую Ель в справедливое негодование, как и Белку…

---

[4] Примечания: 4

Искони — издавна.

II

Наступила весна. Глубокий снег точно присел, потемнел и начал таять. Особенно скоро это случилось на новой поруби, где весеннее солнце припекало так горячо. В густом лесу, обступавшем порубь со всех сторон, снег ещё оставался, а на поруби уже выступали прогалины; снеговая вода сбегала ручьями к одному месту, где под толстым льдом спала зимним сном Речка Безымянка.

— Что вы меня будите раньше времени? — ворчала она. — Вот снег в лесу стает, и я проснусь.

Но её всё-таки разбудили раньше. Проснувшись, река не узнала своих берегов; везде было голо и торчали одни пни.

— Что такое случилось? — удивлялась Речка, обращаясь к одиноко стоявшей старой Ели. — Куда девался лес?

Старая Ель со слезами рассказала старой приятельнице обо всём случившемся и долго жаловалась на свою судьбу.

— Что же я теперь буду делать? — спрашивала Речка. — Раньше лес задерживал влагу, а теперь всё высохнет… Не будет влаги, — не будет и лесных ключиков с холодной водой. Вот горе!.. Чем я

буду поить прибрежную траву, кусты и деревья? Я сама высохну с горя...

А весеннее солнце продолжало нагревать землю. Дохнул теплом первый весенний ветерок, прилетевший с тёплого моря. Набухли почки на берёзах, а мохнатые ветви елей покрылись мягкими, светлыми почками. Это были молодые побеги новой хвои, выглянувшие зелёными глазками. Через мокрый, почерневший снег, точно изъеденный червями, пробился своей жёлтой головкой первый Подснежник и весело крикнул тоненьким голоском:

— Вот и я, братцы!.. Поздравляю с весной!

Прежде в ответ сейчас же слышался весёлый шёпот елей, кивавших своими ветвями первому весеннему гостю, а теперь всё молчало кругом, так, что Подснежник был неприятно удивлён таким недружелюбным приёмом. Когда развернулась цветочная почка и Подснежник глянул кругом жёлтым глазком, он ахнул от изумления: вместо знакомых деревьев торчали одни пни; везде валялись кучи хвороста, щеп и сучьев. Картина представлялась до того печальная, что Подснежник даже заплакал.

— Если бы я знал, то лучше остался бы сидеть под землёй, — печально проговорил он, повёр-

тываясь на своей мохнатой ножке. — От леса осталось одно кладбище.

Старушка Ель опять рассказала про своё страшное горе, а Белка подтвердила её слова. Да, зимой приехали люди с железными топорами и срубили тысячи деревьев, а потом изрезали их на дрова и увезли.

Не успел этот разговор кончиться, как показались перистые листья папоротников. В густом дремучем лесу трава не растёт, а мох и папоротник, — они любят и полусвет и сырость. Их удивление было ещё больше.

— Что же? Нам ничего не остаётся, как только уйти отсюда, — сурово проговорил самый большой Папоротник. — Мы не привыкли жариться на солнце…

— И уходите… — весело ответила зелёная Травка, выбившаяся откуда-то из-под сора нежными усиками.

— А ты откуда взялась? — сурово спросила старая Ель незваную гостью. — Разве твоё место здесь? Ступай на берег реки, к самой воде…

Весело засмеялась зелёная Травка на это ворчанье. Зачем она пойдёт, когда ей и здесь хорошо? Довольно и света, и земли, и воздуха. Нет, она останется именно здесь, на этой жирной земле,

образовавшейся из перегнившей хвои, моха и сучьев.

— Как я попала сюда? Вот странный вопрос! — удивлялась Травка, улыбаясь. — Я приехала, как важная барыня… Меня привезли вместе с сеном, которое ели лошади: сено-то они съели, а я осталась. Нет, мне решительно здесь нравится… Вы должны радоваться, что я покрою всё зелёным, изумрудным ковром.

— Вот это мило! — заметила Белка, слушавшая разговор. — Пришла неизвестно откуда, да ещё разговаривает… А впрочем, что же, пусть растёт пока, особенно если сумеет закрыть все эти щепы и сор, оставленные дровосеками.

— Я никому не помешаю, — уверяла Травка. — Мне нужно так немного места… Сами будете потом хвалить. А вот вы лучше обратите внимание вон на те зелёные листочки, которые пробиваются из-под щеп: это осина. Она вместе со мной приехала в сене, и мне всю дорогу было горько. По-моему, осина — самое глупое дерево: крепости в нём никакой, даже дрова из неё самые плохие, а разрастётся так, что всех выживет.

— Ну, уж это из рук вон! — заворчала старая Ель. — Положим, старый ельник вырублен, но на его месте вырастут молодые ёлочки… Здесь наше

старинное место, и мы его никому не уступим.

— Когда ещё твои ёлочки вырастут, а осинник так разрастётся, что всё задушит, — объяснила Белка. — Я это видела на других порубях… Осина всегда занимала чужие места, когда хозяева уйдут… И вырастает она скоро, и неприхотлива, да и живёт недолго. Пустое дерево, вечно что-то бормочет, а что — и не разберёшь. Да и мне от него поживы никакой.

В одну весну на свежей поруби явились ещё новые гости, которые и сами не умели объяснить, откуда явились сюда. Тут были и молодые рябинки, и черёмуха, и малинники, и ольхи, и кусты смородины, и верба; все эти породы жались главным образом к реке, оттесняя одна другую, чтобы захватить местечко получше. Ссорились они ужасно, так что старая Ель смотрела на них, как на разбойников или мелких воришек, которые никак не могли разделить попавшуюся в руки лакомую добычу.

— Э, пусть их, — успокаивала её Белка. — Пусть ссорятся и выгоняют друг друга. Нужно подождать, старушка. Только бы побольше уродилось шишек, а из шишек выпадет семя и народятся маленькие ёлочки.

— У тебя только и заботы, что о шишках! — уко-

рила Ель лукавую лакомку. — Всякому, видно, до себя…

Порубь заросла вся в одну весну и новой травой, и новыми древесными породами, так что о сумрачных папоротниках не было здесь и помину. В зелёной, сочной траве пестрели и фиолетовые колокольчики, и полевая розовая гвоздика, и голубые незабудки, и ландыши, и фиалки, и пахучий шалфей, и розовые стрелки иван-чая. Недавняя смерть сменилась яркой жизнью молодой поросли; а в ней зачирикала, засвистела и рассыпалась весёлыми трелями разная мелкая птичка, которая не любит глухого леса и держится по опушкам и мелким зарослям. Приковылял в своих валенках и косой зайка: щипнул одну травку, попробовал другую, погрыз третью и весело сказал Белке:

— Это повкуснее будет твоих шишек… Попробуй-ка!..

III

С тех пор как вырубили лес у реки, прошло уже несколько лет, и порубь сделалась неузнаваемой. С вершины старой Ели виднелось точно сплошное зелёное озеро, разлившееся в раме тёмного ельника, обступившего порубь со всех сторон зубчатой стеной. Старая Белка, бывшая свидетельницей порубки, успела в это время умереть, оставив целое гнездо молоденьких белочек, резвившихся и прыгавших в мохнатой зелени старой Ели.

В зелёной, сочной траве пестрели и фиолетовые колокольчики, и полевая розовая гвоздика

— Посмотрите-ка, что там делается, на реке, — просила старушка Ель своих бойких квартирантов. — Меня ужасно это беспокоит… Кажется, довольно здесь набралось всяких деревьев, а идут всё новые… Насильно лезут вперёд, продираются, душат друг друга, — это меня удивляет! Мне, наконец, надоели эта суматоха и постоянные раздоры… Прежде было так тихо и чинно, каждое дерево знало своё место, а теперь точно с ума все сошли…

Белочки прыгали к реке и сейчас же приносили невесёлый ответ:

— Плохо, бабушка Ель… По реке вверх поднимаются новые травы и цветы, новые кустарники, и всё это стремится на порубь, чтобы захватить хоть какой-нибудь кусок земли.

— Э, пусть идут: мне теперь всё равно, — печально шептала старушка Ель. — Мне и жить осталось недолго.

Время в лесу шло скорее, чем в городах, где живут люди. Деревья считали его не годами, а десятками лет. Происходило это, вероятно, потому, что деревья живут гораздо дольше людей и растут медленнее. С другой стороны, существова-

ли однолетние растения, для которых весь круг жизни совершался в одно лето, — они родились весной и умирали осенью. Кустарники жили десять-двадцать лет, а потом начинали хиреть, теряли листья и постепенно засыхали. Лиственные деревья жили ещё дольше, но до ста лет выживали одни липы и берёзы, а осины, черёмухи и рябины погибали, не дожив и половины. С лиственными деревьями пришли и свои травы, и цветы, и кустарники — эта весёлая зелёная свита, которая не встречается в глухих хвойных лесах, где недостаёт солнца и воздуха и где могут жить одни папоротники, мхи и лишайники.

Главными действующими лицами на поруби являлись теперь река Безымянка и Ветер, — они вместе несли свежие семена новых растений и лесных пород, и таким образом происходило передвижение растительности. Через двадцать лет вся порубь заросла густым смешанным лесом, точно зелёная щётка. Посторонний глаз ничего здесь не разобрал бы, — так перемешались разные породы деревьев. Зелёная трава и цветы первыми покрыли свежую порубь, а теперь они должны были отступить на берег реки и лесные опушки, потому что в густой заросли им делалось душно, да и солнца не хватало.

Но среди светлой зелени лиственных пород скоро показались зелёные стрелки молодых ёлочек, — они целой семьёй окружали старую, дуплистую Ель и, точно дети, рассыпались по опушке оставшейся нетронутой стены старого дремучего ельника.

— Не пускайте их! — кричала горькая Осина, шелестя своими дрожавшими листиками. — Это место наше… Вот как они продираются. Пожалуй, и нас выгонят…

— Ну, это ещё мы посмотрим, — спокойно ответили зелёные Берёзки. — А мы не дадим им свету… Загораживайте им солнце, отнимайте из земли все соки. Мы ещё посмотрим, чья возьмёт…

Завязалась отчаянная война, которая особенно страшна была тем, что она совершалась молча, без малейшего звука. Это была общая война лиственных пород против молодой хвойной поросли. Берёзы и осины протягивали свои ветви, чтобы загородить солнечные лучи, падавшие на молодые ёлочки. Нужно было видеть, как томились без солнца эти несчастные ёлочки, как они задыхались, хирели и засыхали. Ещё сильнее шла война под землёй, где в темноте неутомимо работали нежные корни, сосавшие питательную

влагу. Корешки травы и цветов работали в самом верхнем слое почвы, глубже их зарывались корни кустарников, а ещё глубже шли корни берёз и молоденьких ёлочек. Там, в темноте, они переплетались между собой, как тонкие белые волосы.

— Дружнее работайте, детки! — ободряла их старая Ель. — Не теряйте времени.

Вся беда была в том, что берёзы росли быстрее ёлочек, но, с другой стороны, ёлочки оставались зелёными круглый год и пользовались одни светом и солнцем, пока берёзки спали зимним сном.

— Бабушка, нам трудно, — жаловались Ёлочки каждую весну. — Одолеют нас берёзы летом. Они в одно лето вырастут больше, чем мы — в два года.

— Имейте терпение, детки! Ничего даром не даётся, а всё добывается тяжёлым трудом… Дружнее работайте!..

Кусты отступили первыми; им нечего было здесь делать. Они скромно исчезли, уступив место более сильным лесным породам. Молодому осиннику приходилось также плохо: его теснили берёзы.

— Вы что же это делаете? — спросили Оси-

ны. — Мы прежде вас пришли сюда, а вы нас же начинаете выживать… Это бессовестно!..

— Вы находите, что бессовестно? — смеялись весёлые Берёзки. — Только мы нисколько не виноваты… Вас всё равно выгонят отсюда вот эти ёлочки, как только они подрастут. Вы уж лучше уходите сами подобру-поздорову и поищите себе другого места. Только мешаете нам.

— Мы им мешаем?! Мы им мешаем?! — шептали огорчённые листики бедной Осины. — Это называется просто нахальством. Вы пользуетесь правом сильного. Да… Когда-нибудь вы раскаетесь, когда самим придётся плохо…

— Ах, отстаньте, надоели! Некогда нам разговаривать с вами…

Плохо пришлось осинкам, когда их загнали в самый угол поруби; с одной стороны на них наступал молодой березняк, а с другой — молодая еловая поросль.

— Батюшки, погибаем! — кричали несчастные Осинки. — Господа, что же это такое? Двое на одного…

— Уходите! Уходите! — тысячами голосов кричали Ёлочки. — Вы нам только мешаете… Смешно плакать, когда идёт война. Нужно уметь умирать с достоинством, если нет сил жить…

— А где же у нас рябины и черёмухи? — спрашивал насмешник Ветер, прилетавший поиграть с молодыми берёзками. — Ах, бедные, они ушли совсем незаметно, чтобы никого не беспокоить…

Большой шалун был этот Ветер: каждую веточку по дороге нагнёт, каждый листочек поцелует и с весёлым свистом летит дальше. Ему и горя мало, как другие живут на свете, и только самому бы погулять. Правда, зимой, в холод, ему приходилось трудненько, и Ветер даже стонал и плакал, но ему никто не верил; это горе было только до первого весеннего луча.

IV

Прошло пятьдесят лет.

От старой поруби не осталось и следа. На её месте поднималась зелёная рать молодых елей, рвавшихся в небо своими стрелками. Среди этой могучей хвойной зелени сиротами оставались кой-где старые берёзы, — на всю порубь их было не больше десятка. Там, где торжествовали смерть и разрушение, теперь цвела молодая жизнь, полная силы и молодого веселья. В этой зелени выделялась своей побуревшей вершиной одна старая Ель.

— Ох, детки, плохо мне… — часто жаловалась старушка, качая своей бурой вершиной. — Нехорошо так долго заживаться на свете. Всему есть свой предел… Теперь я умру спокойно, в своей семье, — а то совсем было осталась на старости лет одна-одинёшенька.

— Бабушка, мы не дадим тебе умереть! — весело кричали молодые Ели. — Мы тебя будем защищать и от ветра, и от холода, и от снега.

— Нет, детки, устала я жить… Довольно. Меня уже точат и черви, и жучки, а сверху разъедают кору лишайники.

— Тук, тук!.. — крикнул пёстрый Дятел, долбивший старую Ель своим острым клювом. — Где жучки? Где червячки? Тук… тук… тук… Я им задам!.. Тук… Не беспокойтесь, старушка, я их всех вытащу и скушаю… Тук!..

— Да ведь ты меня же долбишь, мою старую кору! — стонала Ель, возмущённая нахальством нового гостя. — Прежде в дупле жили белки, так те шишки мои ели, а ты долбишь меня, моё деревянное тело. Ах, приходит, видно, мой конец.

— Ничего. Тук!.. Я только червячков добуду… Тук, тук, тук!..

Молодые ёлочки были возмущены бессовестностью Дятла; но что поделаешь с нахалом, который ещё уверяет, что трудится для пользы других! А старая Ель только вздрагивала, когда в её дряблое тело впивался острый клюв. Да, пора умирать.

— Детки, расскажу я вам, как я попала сюда, — шептала старушка. — Давно это было… Мои родители жили там, на горе, в камнях, где так свистит холодный ветер. Трудно им приходилось, особенно по зимам… Больше всех обижал Ветер: как закрутит, как засвистит… Северная сторона у елей вся была голая, а нижние ветви стлались по земле. Трудно было и пищу добывать между камнями. Корни оплетали камни и крепко дер-

жались за них. Ель — неприхотливое дерево и крепкое, не боится ничего. Сосны и берёзы не смели даже взглянуть туда, где мои родители зеленели стройной четой. Выше их росли только болотная горная трава да мох… Красиво было там, на горе… Да… На такую высоту только изредка забегали белки да зайцы. Одна такая белка подобрала между камнями спелую еловую шишку и утащила сюда, в свой дом, и из этой шишки выросла я. Здесь привольнее, чем на горе, хоть и не так красиво. Вот моя история, детки… Долго я жила и скажу одно, что мы, ели, — самое крепкое дерево, а поэтому другие породы и не могут нас одолеть. Сосна тоже хорошее дерево, но не везде может расти… Вот пихты и кедры — те одного рода с нами и также ничего не боятся…

Все слушали старушку с приличным молчанием, а папоротники широко простирали свои листья-перья. В молодом лесу уже водворились сырость и вечная полумгла, какие необходимы этому красивому растению. О полевых цветах и весёлой зелёной травке не было и помину, а от старых берёз оставались одни гнилые пни, в которых жили мыши и землеройки. Следы поруби исчезли окончательно.

Настал и роковой день. Это было среди лета. С

вечера ещё ветер нагнал тёмную тучу, которая обложила половину неба. Всё притихло в ожидании грозы, и только изредка налетал ветер. В воздухе сделалось душно. Весело журчала одна Безымянка: ветер принесёт ей новой воды. Обновилась и зелёная травка, которую несколько дней жгло солнце.

— Эй, берегись! — свистал Ветер, проносясь по верхушкам елей. — Я вас всех утешу, только стоять крепче.

Потом всё стихло. Сделалось совсем темно. Где-то далеко грянул первый гром, а туча уже закрыла всё небо. Ослепительно сверкнула молния, и раздался новый, страшный удар грома прямо над лесом. Где-то что-то затрещало и зашумело. Посыпались первые крупные капли дождя, и рванулся ветер, а там — новый удар грома. Эта канонада продолжалась в течение целого часа, а когда она кончилась и буря пронеслась, старая Ель лежала уже на земле. Она рухнула под тяжестью пережитых лет и старческого бессилия. Когда взошло солнце и под его лучами ярко заблестела омытая дождём зелень, не оказалось только одной бурой вершины старой Ели…

Упрямый козёл

I

Жил да поживал на свете весёлый столяр. Так его и соседи называли «весёлый столяр», потому что работал он всегда с песнями. Работает и поёт.

— Хорошо ему петь, когда у него всё есть, — говорили соседи с завистью. — И своя избушка, и коровка, и лошадка, и огород, и куры, и… даже козёл.

Действительно, у столяра всё было: и своя избушка, и лошадка, и коровка, и куры, и старый упрямый козёл. Жил он ни бедно, ни богато, а главное — всё было своё. Сам столяр говорил:

— Слава богу, всё у меня есть…

Завистливые соседи не хотели видеть одного, — именно, что весёлый столяр всё своё добро наживал сам, своим трудом, постоянно работал, да ещё помогала ему жена. Он стругает и пилит свои доски, а жена всякую домашнюю работу справляет: и обед приготовит, и починит, и сошьёт, и с огородом управится, и за скотиной присмотрит. Одним словом, жили хорошо, и дом был полной чашей. А где живут хозяева хорошо, там и всем остальным хорошо. Лошадь сытая,

корова — тоже, на крыше избушки ворковали голуби, под крышей весело чиликали воробьи, по двору расхаживал осанистый петух со своими курами; даже жившие под полом мыши и те были сыты. Бывало, жена столяра заворчит:

— И что это мышей у нас столько развелось? Овёс воруют у кур, хлеб тащат…

— Ну что же, и пусть их тащат! — успокаивал жену столяр. — Где же им взять? У хлеба не без крох… Жалованья они не получают, работать не умеют, а жить надо. У них тоже есть и своя семьишка, и свои детишки, — надо чем-нибудь кормиться. Ничего, нас с тобой не съедят… Наконец, у нас есть кот Васька.

Кот сидел обыкновенно на печке и делал вид, что ничего не слышит. Он не любил пустых разговоров. Скажите пожалуйста, с какой стати он будет ловить мышей, когда сыт до отвала? Иногда он отправлялся в амбар, ловил какого-нибудь несчастного мышонка, но не ел его, а приносил показать хозяйке.

— Ай да Вася, молодец! — хвалила его жена столяра и давала коту молока.

Кот напивался молока и дремал где-нибудь в тёплом уголке. Мышей он ловил только для собственного развлечения. Покажется скучно,

ну, и сходит на охоту. Вообще, серьёзный был кот Васька, и хозяйка очень его любила. Больше всего он гордился тем, что живёт в избе вместе с хозяевами, и на двор выходил только погулять. Ни с кем он не ссорился, не дрался и относился к другим свысока. Например, петух и козёл вечно ссорились, корили друг друга и даже вступали в драку.

— Разве так можно, господа? — ворчал кот. — Вы совсем не умеете себя держать… Впрочем, что же я говорю с вами: всё равно ничего не поймёте!

— Знаем мы тебя, старого плута, — ругался петух. — Только и знаешь, что лежать на солнышке… Скажите пожалуйста, какой важный барин: лапку боится замочить. Одним словом, дрянь!..

Кот ничего не отвечал, а только презрительно щурил свои зелёные глаза да поводил усами.

Козёл и петух часто ссорились. Просто возьмут и поссорятся ни из-за чего.

— Эй ты, дармоед! — кричал на весь двор забияка-петух. — Недаром говорится, что от козла — ни шерсти, ни молока…

— Тоже расхвастался, работник! — сердился козёл. — Только горло своё петушиное дерёшь да никому спать не даёшь… Вот и вся твоя работа!

— Я не работник? А кто хозяина по утрам будит? Я!.. А кто за курами смотрит, чтобы не разбежались по чужим дворам? Всё я же!.. А кто цыпляток молодых от ястреба стережёт? Да опять я же!.. Везде я и обо всех должен позаботиться! А ты только даром чужое сено ешь, старый упрямый козёл…

— Чужое сено ем? Ах ты, разбойник!.. Да я тебя в мелкие крошки, хвастуна, расшибу!

Козёл наклонял голову, закрывал глаза и стремглав бросался на петуха…

— Ой, убили! Батюшки, петуха убили!.. — неистово орал петух, удирая от рассвирепевшего козла. — Караул!.. Живого петуха проклятый козёл убил!

Всех поднимал на ноги горланивший петух. Кудахтали перепуганные куры, трещали воробьи, лаял дворовый пёс Шарик, принимавший горячее участие в драке. Шарик гнался зараз и за козлом и за петухом и старался ухватить которого-нибудь зубами. Столяр хохотал до слёз, глядя на эту суматоху. Обыкновенно дело кончалось тем, что петух взлетал на забор, хлопал крыльями и орал во всё горло:

— Наша взяла, урррра!.. Что, взял, проклятый козёл? Где тебе драться со мной!.. Погоди, вот я тебе ещё твои глупые глаза выцарапаю! Да, со мной, брат, шутки плохие!..

Старый упрямый козёл обыкновенно чувствовал себя в такие минуты очень скверно. Упрётся рогами в забор и старается его повалить… Тоже ведь совестно, что петух так срамит на всю улицу. Шарик из усердия лаял, как сумасшедший, и тоже

бросался на забор.

— Ах, козёл, козёл, как тебе не стыдно, — смеялся столяр. — Нехорошо, брат, драться, да ещё с птицей… Ах, козёл, козёл, как тебе не стыдно!

— А ежели он хвастается? — угрюмо отвечал козёл. — Я вот ему задам.

Подзадоренный козёл отходил от забора на средину двора, разбегался и со всего разбега — хлоп! — прямо лбом в забор, — только рога трещат. Это было уж совсем смешно, так что хихикали даже воробьи, прыгая по крыше. Степенно смеялись голуби, качала головой лошадь, а петух хохотал во всё горло.

— Ну ещё раз, козёл!.. Ха-ха!.. Пожалей забор-то, глупая голова!.. Он не виноват, что ты глуп.

— В самом деле, пожалей забор, — смеялся столяр. — Да лоб ещё самому может пригодиться… Ах, какой ты старый упрямый козёл!..

Козёл после такой драки долго не мог успокоиться. Он вообще сердился подолгу, рассердится утром и весь день сердится, ляжет спать — тоже сердится, проснётся ночью — ещё немножко посердится. Такой уж сердитый уродился… Раз, чтобы досадить петуху, он, как будто не нарочно, наступил на его любимую курицу. Вышел целый скандал, и петух побежал жаловаться на козла

хозяину.

— Помилуйте, хозяин, этак козёл всех моих кур изуродует.

— Ну, это, брат, не моё дело, — отвечал столяр. — Пусть вас хозяйка рассудит, как знает…

И жена столяра рассудила: взяла палку и пребольно побила козла.

— Вот тебе, вот тебе, упрямая твоя башка… Не дави кур, не дави кур!..

Козёл даже взревел от боли, убежал в огород и ещё сильнее рассердился на проклятого петуха. Он долго не хотел идти обратно во двор, пока его не уговорил Шарик.

— Ну, будет тебе сердиться, — уговаривал Шарик, виляя хвостом. — Мы как-нибудь вместе вздуем петуха…

— Да, хорошо тебе говорить, а ведь бока-то мои… — ворчал козёл, уставившись рогами в землю. — Уж, кажется, я ли не служу хозяину? А что касается сена, так какое сено мне достаётся? Подбираю с земли, которое лошадь и коровы всё равно затопчут. Одно названье, что сено… Положим, что я неприхотлив, а всё-таки чужого сена не ем.

Шарик был добрая собака и жалел козла. В самом деле, за что прибила его хозяйка?…

— Знаешь, что я тебе скажу, козёл, — говорил Шарик, — не стоит сердиться. Ты сделай вид, что будто ничего не заметил. И мне ведь тоже иногда достаётся от хозяйки… А я терплю. Она только и любит, что своего кота Ваську, корову да кур. Ничего с ней не поделаешь…

— А я её как-нибудь забодаю… вот и не поделаешь.

— Нет, это уж совсем не годится, козёл. Надо терпеть… Мало ли что случается в семье? Не каждое лыко в строку…

В сущности, Шарик хитрил. Он больше всего любил, чтобы в доме всё было в порядке. Для чего же тогда он, Шарик, если все будут ссориться и драться? Немножко — ещё ничего, а только не постоянно.

— Ну, я их помирил, — хвастался Шарик, подходя к хозяйскому крыльцу. — Поссорились, и будет…

— Ты у меня молодец! — хвалил столяр верного пса. — Ежели разобрать, так козёл совсем добрый; только немножко упрям. Я ему так и сказал: не сердись, брось! Вообще не сто́ит…

Одним словом, жили хорошо, и дом был полной чашей

Столяр любил вечером выйти во двор и посидеть на крылечке. Сядет на лесенку, закурит трубочку и смотрит. А Шарик уж тут как тут: облизывается, хвостом виляет, лебезит.

— Ну что, Шарик?

— А ничего… Всё в порядке. День и ночь не сплю, твой дом стерегу.

— Так, так… Молодец! Ведь ты у меня умница…

— А то как же? Какой же порядок в дому, ежели нет хорошей собаки? Это не то что какой-нибудь дармоед, вроде кота Васьки.

— А, не любишь? Ха, ха, ха! Не забыл, видно, васькиных когтей?…

От скуки Шарик иногда гонял жирного кота по двору, — не со злости, а так просто. Хозяйка куда-нибудь уйдёт, покажется кот на крылечке, — ну, как его не погонять, толстомордого? Правда, что Васька отчаянно защищался и два раза пребольно царапнул Шарика, но всё-таки его побаивался. Шарик завидовал Ваське, которого каждый день поили молоком, а ему, Шарику, доставались одни объедки…

II

Жил-поживал весёлый столяр, распевал песни, а чёрное горе подкралось к нему невидимкой… Захворала жена столяра, пролежала неделю-две, да и отдала душу Богу. Горько плакал бедный столяр, ходил по своей избушке и всё повторял:

— Как же я жить-то теперь буду? Ах, как я буду жить?

Пришли соседи, начали его утешать и всё говорили:

— Что ж ты так убиваешься? Всё у тебя, слава богу, есть… Ничего, и один как-нибудь проживёшь.

— Всё есть, а жены нет, — плакал столяр. — Ах, как я жить буду? Как я без жены?…

Плачет столяр, разливается, и никто его утешить не может. Похоронил потом жену, засел опять за работу, только уж не стало слышно весёлых песен в избушке. Молча работал столяр, а чёрное горе молча его глодало.

Трудно было жить столяру одному, и взял он себе одну бедную старуху, которая управлялась бы по хозяйству, — самому ему не поспеть везде, а то хоть работу бросай! И пошло всё вверх дном… И обед вовремя не готов, и кушанье не так при-

готовлено, и скотина сидит голодная, и в огороде ничего не родится.

— Дрянь дела, — ворчал петух, щёлкая носом от голода. — Этак, пожалуй, подохнуть можно…

Куры тоже ворчали и начали меньше класть яиц. Голодавшая корова сразу сбавила молока; лошадь похудела, обросла голодной шерстью, — и все роптали. Ничего не говорил один козёл, хоть и голодал вместе с другими. Что же тут говорить? Была жива хозяйка в дому, и всем было хорошо; не стало хозяйки — ну, значит, нужно терпеть.

Соседи, которые раньше завидовали весёлому столяру, теперь говорили между собой:

— А мы думали, что он, столяр, умный!.. Огород запустил, скотину заморил, в дому никакого порядка нет… Какой же он умный столяр?…

Самые добрые соседи нарочно приходили к столяру, качали головами, жалели и говорили всё это вслух:

— А мы-то думали, что ты — умный.

Столяр и сам видел, что всё у него идёт из рук вон плохо, — не смотрел бы ни на что. Особенно тошно ему делалось по вечерам… Начал столяр уходить вечерами из дому куда-нибудь в соседи. Всё-таки на людях как будто и повеселее, то есть даже и не веселее, а время как-то незаметно про-

ходит. Глядишь, вечера и нет; а тут, глядишь, и спать пора… Прежде столяр работал по вечерам, а теперь работа лежала на полке.

— Успею как-нибудь, — утешал он самого себя. — Работа не медведь — в лес не уйдёт!

Пошло плохо с работой. С одним заказом не поспел, другой упустил, третьего не дали… Стал думать столяр так: «Я-то ведь тот же, а это другие мне нарочно зло делают. Позавидовали моему достатку… Ничего, справимся!» Начал столяр подозревать других, что это они виноваты.

Начал он даже на скотину сердиться. Почему корова молока не даёт? Почему лошадь не хочет возить по-прежнему? Почему куры перестали класть яйца?

«Да для чего они мне все? — подумал столяр. — Проживу и без них, а то только хлопоты одни да неприятности…»

Кончилось тем, что столяр вывел лошадь и корову на базар и продал. Жаль было продавать, да нельзя, видно, миновать.

— Да он совсем глупый, столяр-то, — заговорили соседки. — И кто это сказал, что он умный?… Всё хозяйство зорит…

Соседи говорят своё, а столяр думает своё. Раньше было другое, и он был другой, а теперь ему

ничего не нужно. Пусть идёт всё прахом; сам наживал, сам и проживает.

Без лошади и коровы всем пришлось плохо. Бывало, от лошади и куры покормятся, и мышь стащит малую толику, и козлу достаются объедки. То же и с коровой. Петух начал жаловаться громко:

— Житья совсем не стало… А наш хозяин дурак!..

Голуби тоже ворчали: ходят-ходят по двору, и хоть бы одно зёрнышко где завалилось. Ворчали воробьи:

— Какой же он хозяин, если воробья накормить нечем? Он нас доведёт до того, что мы уйдём к другому хозяину… Пусть остаётся один и живёт, как знает.

— И мы тоже уйдём, — пищали мыши. — Не дохнуть же нам с голоду?… Конечно, жаль его одного оставлять, да ничего не поделаешь.

Одним словом, поднялся настоящий бунт. Все были недовольны. Молчал только один упрямый старый козёл. Правда, он наполовину наедался в поле, а другую половину добывал по соседям. Иногда ему крепко доставалось за это; часто его били; но козёл был терпелив и только удивлялся, как это не поймут, что он хочет есть. Где сенца

стащит, где клок соломы, а где и палки отведает, за всем не угоняешься…

— Вот озорник! — ругали козла соседи. — В хозяина пошёл: такой же забулдыга…

А столяр всё видел и слышал и ничего не говорил. Что же поделаешь, пусть уходят все… Было время, были и сыты, и довольны, а теперь голодной мыши негде поесть. Видел столяр, как воробьи разлетались по соседям, — нетерпеливый народ! Видел, как за ними ушли голуби. Последними тронулись мыши. Одна старая мышь даже подошла к окну, покачала головой и сказала на прощанье:

— Ах, нехорошо, хозяин!.. Да, нехорошо… А всё ты виноват… Мы думали, что ты умный.

— Уходите, уходите! — говорил столяр. — Ничего я поделать не могу.

— Мы бы, пожалуй, и остались, — говорила мышь, — да не стало житья от проклятого кота Васьки… Раньше-то он не беспокоил нас, а нынче не выходит из амбара. Если бы жива была хозяйка, да была корова, да поили каждый день Ваську молоком… Ах, хозяин, хозяин, вот как нехорошо!..

Кот Васька действительно здорово голодал. Сидит-сидит на печке и промяукает:

— Молочка бы Васе… ах, молочка!..

— Вот я тебе задам такого молочка, что ты у меня узнаешь!.. — ругался столяр. — Ишь, неженка! Ступай, лови мышей: твоё ремесло…

Похудел Васька с горя, шерсть вылезла, глаза начали слезиться, — одним словом, был хороший кот, а теперь сделался дрянным. Выйдет во двор и мяучит:

— Нет хозяйки, нет молочка…

Приуныл и Шарик и больше не гонялся за котом. Не до того, когда у самого живот подвело с голоду. А хозяин точно не видит ничего… Тоже хорош! Раньше по вечерам в соседи уходил, а теперь начал с утра пропадать. Домой приходил только ночевать. Раз пришёл столяр только утром и совсем пьяный. Присел на крылечко и заплакал.

— Тошно мне! Скучно…

Пожалел хозяина Шарик, подошёл к нему, приласкался.

— Ах, это ты, Шарик!..

Обнял столяр Шарика и ещё больше заплакал.

— Тошно мне, Шарик!.. Не стало хозяйки, и ничего не стало. Дом совсем пустой стоит… Ах, нехорошо… А ведь всё было, Шарик!.. Дом стоял, как полная чаша.

Что мог сказать Шарик? Он только повилял своим пушистым хвостом, лизнул хозяйскую руку и жалобно взвизгнул.

— Тоска меня съела, Шарик… Ничего мне не нужно, ничего не жаль… Работа из рук валится.

Подошли к крылечку козёл и петух. Козёл улёгся на ступеньке, а петух встал на одну ногу и слушал.

— А, это вы!.. — удивился столяр. — Отчего вы не убежали?

— Вот тоже придумал! — рассердился козёл, мотая бородой. — Куда это мы пойдём? Я не согласен…

— Где твои куры? — спрашивает столяр петуха.

— С голоду разбежались по соседям, хозяин, — отвечал петух, переступая на другую ногу. — Что же им было тут делать? Даже мыши и те ушли…

— И вы уходите, все уходите, никого мне не нужно! — говорил столяр, закрывая лицо руками. — Кончено всё!..

— Ну, это мы ещё посмотрим… — ответил петух. — Ты знаешь, что я шутить не люблю. Куда мы пойдём?

— Я тоже не согласен… — подтвердил козёл.

III

Дела у столяра шли хуже и хуже… Он сам видел, что плохо, и ничего не мог поделать. Раньше он уходил из дому по вечерам, а теперь начал пропадать по целым дням. Тяжело было возвращаться в пустой дом. Чтобы не покупать дров, столяр сначала сжёг амбар, потом конюшню, потом ворота, потом забор кругом двора. Избушка теперь стояла на пустыре.

— Что же, я могу жить под крыльцом, — говорил козёл. — Шарик, ты немного потеснишься, а вдвоём нам будет теплее.

Шарик не спорил. Отчего же и не потесниться для друга?… Петух устроился под крышей и тоже не унывал. Что же, можно жить, если бы хозяин ещё давал каждый день хоть одну горсточку овса. Иногда вечером все собирались около крыльца и рассуждали о своих делах.

— Нет ничего лучше молочка, — говорил кот Васька, усаживаясь на крылечке.

— Что молочко, а вот если бы, например, овёс или крупа, это будет лучше, — спорил петух.

— Пустяки вы говорите, — уверял Шарик, — уж если что действительно хорошо, так это косточ-

ки… Сколько я на своём веку съел костей и знаю толк в еде! Да…

— Хорошо и сенца пожевать… — вставил своё слово козёл. — Когда лошадь да корова были, так я до отвалу наедался. Бывало, ночью встанешь и ешь… Вы глупы и не знаете толку в хорошем сене.

Раньше они любили поговорить о своём хозяине и часто его бранили, а теперь нечего было даже говорить. Когда он появлялся домой, каждый старался не попадаться ему на глаза. Приходил столяр обыкновенно сердитый, и лучше было с ним не встречаться. Утром проснётся, с похмелья — ещё сердитее. Раз чуть не переломал ноги Шарику камнем, так что верный пёс озлился и оскалил зубы.

— Да ты, кажется, с ума сошёл? — ворчал Шарик, поджав хвост. — Этак можно и совсем убить…

— А ты у меня поговори!.. Ох, не смотрел бы я на вас!.. Без вас тошно…

— Сам виноват… Зачем не работаешь?… Зачем пьянствуешь?

— Ты меня учить? Да я тебя разорву… Без вас знаю, что делать.

Чтобы доказать свою правду, столяр схватил палку и запустил ею в Шарика. Бедная собака

едва успела унести ноги.

— Я вам покажу, какой я человек! — вскричал столяр. — Ну, пью, ну, не работаю и никого знать не хочу…

Он ходил по своему пустырю, бранился и кому-то грозил кулаком. Ведь все были виноваты, а он прав. И он, столяр, умнее всех.

В другой раз, проснувшись утром с больной головой, столяр услышал, как петух пропел своё «кукуреку». Это показалось столяру обидным: у него голова трещит, а петух горло дерёт, как сумасшедший… И для чего, подумаешь, надрывается глупая птица? Потом у столяра мелькнула в голове счастливая мысль. Он разыскал сухую корочку, разломал её в крошки и вышел на крыльцо. Петух ходил по пустырю.

— Здравствуй, хозяин! Крррр…

— Здравствуй, Петя! Хочешь хлебца поклевать?… Да ну же, иди сюда.

Петух сделал голову набок, посмотрел на брошенные крошки, посмотрел на хозяина и ответил:

— Эге, ты за кого это меня считаешь, хозяин? Я ещё не настолько глуп, чтобы за несколько крошек попасть тебе на жаркое… Шалишь, брат!..

— Да ты иди, Петька… Ну, ну, иди же, говорят

тебе! Потолкуем…

— А ты меня съешь?

— Не съем…

— Нет, съешь.

— Ну, если ты не хочешь идти, так я к тебе сам подойду…

Столяр рассердился на глупого петуха и, схватив камень, бросился за ним. Петух страшно перепугался, распустил крылья и заорал благим матом:

— Ой, батюшки, убили… живого петуха убили. Караул… Батюшки, батюшки!..

Долго гонялся столяр за петухом, бросал в него камнями и ничего не мог поделать. Живое жаркое увёртывалось у него из-под носу самым обидным образом… Петух спасся только тем, что бегал кругом избушки и ловко скрывался. И козёл, и Шарик видели всё это, но не гнались за петухом, как бывало раньше при домашних ссорах.

Теперь было другое. Наконец столяр выбился из сил, присел на крылечко и, схватившись руками за голову, горько заплакал. Обиженный до глубины души, петух отошёл и ждал, что будет дальше.

— Если бы у меня была конюшня, я загнал бы петуха в неё, и там-то уж он не ушёл бы от ме-

ня, — плакался столяр, качая головой. — Ах, я несчастный!.. Петух и тот не слушается меня.

— А ты попробуй съесть Шарика, — крикнул петух издали, оправляя смявшиеся перья. — Тоже придумал… Ведь всего и птицы осталось, что я один. Вот воробьи и голуби давно разлетелись по соседям, а я остался. Жаль мне тебя, хозяин… Старого добра не помнишь. Видно, забыл, сколько лет я тебе служил верой и правдой.

Козёл стоял посреди пустыря, уставившись глазами в землю, и молча сердился на хозяина. Давно ли попрекал его за драки с петухом, а сам-то что делает? Тоже хорош, нечего сказать…

«Вот сиди теперь один, — думал козёл. — А я и не подойду… Ни за что не подойду!.. Сегодня последнего петуха съел бы, а завтра… И думать противно».

Пожалел хозяина один только Шарик. Верный пёс не помнил зла. Он обошёл крыльцо кругом, остановился перед хозяином и ласково вильнул хвостом.

— Будет тебе плакать, хозяин… Нехорошо.

— Кто это говорит? Ах, это ты, Шарик…

Шарик прыгнул к хозяину и припал головой к нему на колени. Столяр взял его за шею и обнял… А у самого слёзы так и капают на умную собачью

морду.

— Ах, Шарик, Шарик… Один ты у меня друг остался. Да, один… Помнишь, как мы поживали да добро наживали?

— Отлично помню, хозяин… Всё у нас было. Одних костей сколько мне доставалось… А теперь забыл, чем кости пахнут.

— У тебя кости на уме, Шарик, а у меня вся душа изболела… Я сам себя начинаю ненавидеть. И лентяй, и пьяница… Добрые люди от меня начинают сторониться. Не такой ведь я был раньше-то… Тоска меня заела.

Жаль стало Шарику хозяина, и он только слабо взвизгивал, помахивая своим пушистым хвостом.

— Скучно мне, тошно… — повторял столяр, обнимая собаку. — Точно всё у меня порвалось внутри и сам я чужой себе.

IV

Плохо жил столяр, и чем дальше, тем хуже. Хотел даже последнюю свою избушку продать и как-то вечерком привёл покупателя. Ходят вдвоём, осматривают избушку, покупатель в стену постукивает, — не сгнили ли брёвна.

— Да уж отличная избушка, — уверял столяр. — Не на продажу строилась.

Покупатель не верил чужим словам, а только своим глазам. Осмотрев избу, он полез под крыльцо: нет ли, мол, там какого изъяна… А под крыльцом лежал козёл… Как увидел он чужого человека, поднялся и сейчас его на рога, — так ударил, что чуть глаза не вышиб.

— Это у тебя что за генерал такой лежит? — ругался покупатель, вылезая из-под крыльца. — Чуть не убил до смерти, проклятый…

Столяр рассердился и принялся гнать козла. Но это было не так-то легко сделать: упёрся козёл, и делу конец! Не пустил под крыльцо даже хозяина.

— Не глядевши, я не могу покупать, — заявил покупатель.

— Да ведь что же я поделаю с ним, с упрямым

чёртом?

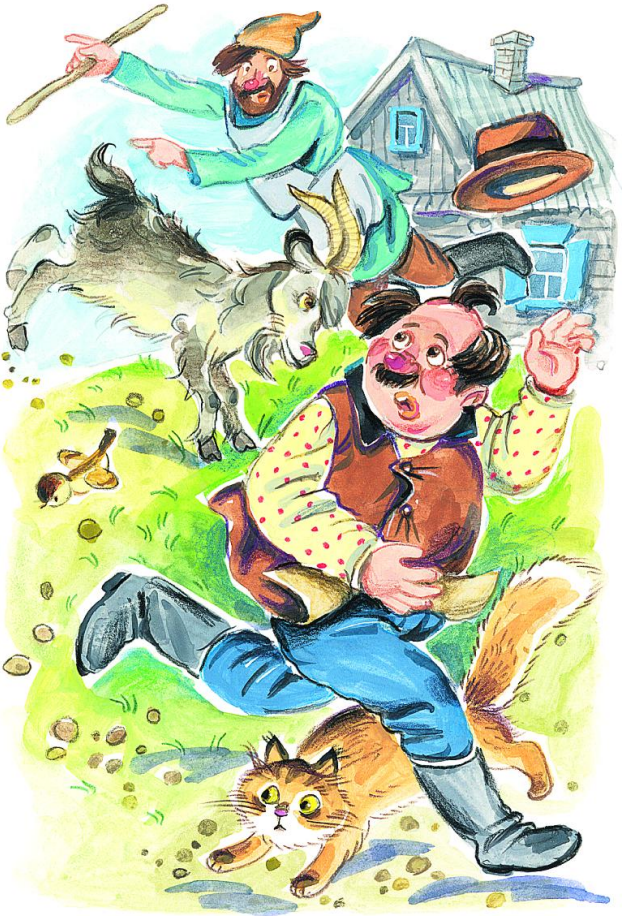
— Дело твоё…

Слово за слово, столяр и покупатель заспорили; разгорячились и чуть не подрались. На шум сбежались соседи и едва их розняли.

— Ты сам козёл, — ругал столяра покупатель. — Вам вместе под крыльцом жить надо…

Так продажа и не состоялась, а столяр окончательно рассердился на старого упрямого козла. В самом деле, что он живёт зря, то есть козёл? Петуха хоть зажарить можно. Шарик дом стережёт, кот Васька мышей ловит, а этот уж совсем ни к чему.

Чем больше думал столяр, тем больше убеждался, что козёл совершенно ему не нужен и даже как будто мешает. Разве нельзя прожить без козла? А потом столяр всё сильнее сердился на него, потому что козёл помешал продать избушку.

Как увидел он чужого человека, поднялся и сейчас его на рога, — так ударил, что чуть глаза не вышиб

— Этакая проклятая тварь навязалась! — бранился столяр, припоминая свою ссору с покупателем. — Он и меня на рога чуть не поддел… Погоди, брат, я тебе удружу! Будешь меня помнить, упрямая скотинка…

Сказано — сделано. Поймал столяр козла за рога, накинул на шею верёвку и повёл продавать. Как ни упирался козёл, как ни брыкался, а ничего не мог поделать, особенно когда столяру начали помогать соседи: кто хворостиной, кто палкой погонял сзади. У соседей были старые счёты с козлом: кого лягнул, кого боднул, у кого сена клок стащил, у кого капусту в огороде съел. Все рады, что избавятся наконец от козла. Туда ему и дорога…

— Тащи его! — кричали соседи, подстёгивая упиравшегося козла. — Недаром говорится, что от козла — ни шерсти, ни молока… Да и нам спокойнее. В прошлом году тётке Матрёне два зуба вышиб…

Никто не прибавил, что тётка Матрёна три раза обливала козла кипятком. Впрочем, козёл уже давно привык к несправедливости и не обращал

внимания на неблагодарных соседей. Гонят его, а сами не понимают, что бывают козлы гораздо хуже. Да, совсем скверные козлы.

Вывел столяр козла на рынок и простоял целый день. Никому не нужно козла… Ещё обиднее сделалось столяру: какая же это скотина, которой никому даром не нужно? В сердцах столяр несколько раз пребольно пнул ногой козла прямо в бок.

— Из-за тебя только целый день потерял…

— А я с тобой и разговаривать не желаю!

— Хорошо, погоди, я тебе и не так удружу…

Когда все покупатели разошлись с рынка, столяр повёл козла к знакомому купцу. Привёл на двор и давай расхваливать.

— Благодарить будете, ваше степенство, потому что это не козёл, а клад. Уж сколько он умён да догадлив… Ну-ка, Вася, тряхни бородкой! Уж другого такого козла днём с огнём не сыскать…

— Нахваливай пуще… — ворчал козёл, мотая бородой. — Только, смотри, не подавись от вранья…

— И смышлёный какой… — нахваливал столяр. — Его и кормить совсем не надо: сам себе пропитанье добудет.

— Ну, это ты уж совсем напрасно, — рассердил-

ся козёл. — Хоть один раз закусить хорошенько… Давненько я не едал по-настоящему.

Понравился упрямый козёл купцу. Как раз ему вот такого и нужно. Да и ребятишкам забава… Ударили по рукам, и столяр получил за козла целых три рубля. Давно у него не было в руках таких денег, и с радости столяр напился пьян.

Просыпается утром на другой день, а кот Васька с печки ему мяукает:

— Дяденька, а козёл-то опять у нас. Прибежал с верёвкой на шее…

— Ну, это его дело, а я его больше не знаю…

Пришёл от купца дворник с кучером, и вытащили козла за рога, зацепили верёвкой и потащили к новому хозяину, только бока трещат.

— Чего ты упираешься-то? — удивлялся столяр. — Там, по крайней мере, сыт будешь…

— Ну, это дело моё, — ответил сердито козёл. — В гостях хорошо, а дома лучше того…

Прошло два дня, и козёл опять вернулся домой. Пришли за ним два дворника и два кучера и принялись бить. Даже столяру сделалось жаль упрямую скотину.

— Ну, перестань, не упрямься, — уговаривал он козла.

Посмотрел на него козёл исподлобья, нахму-

рился и проговорил всего одно слово:

— Эх ты, бесстыдник!..

Задумался столяр. Мудрёный козёл: не хочет жить у купца, где сладко поят и кормят, а рвётся домой, в избушку, где хоть шаром покати, голодной мыши нечем накормить. Потом сделалось столяру совсем совестно… А козёл опять пришёл. Идёт по улице и прихрамывает. Даже соседи и те пожалели: «Ах, бедный козлик!..» Забился козёл под своё крыльцо и лежит — туча-тучей. Добыл столяр немного хлеба и снёс козлу.

«Благодарить будете, ваше степенство, потому что это не козёл, а клад. Уж сколько он умён да догадлив…»

— На вот, покушай, упрямая башка…

Козёл даже не шевельнулся. И на хлеб не смотрит… Ещё совестнее сделалось столяру. Ведь вот скотина, бессловесная тварь, а своего угла ни за что не желает менять. И вот Васька тоже, и петух, и Шарик… Отправился столяр к купцу и говорит:

— Ваше степенство, как же мы относительно козлика? Он опять прибежал ко мне…

— Ты меня обманул, — говорит купец, — продавал козла за умного, а он хуже чёрта. Вот кучера да дворники совсем замаялись с ним. Все руки, говорят, отколотили о проклятого козла. Совсем глупый козёл…

— Нет, ваше степенство, совсем даже не глупый он. Да… Поумнее будет дурака-то хозяина, потому как он свой дом знает. Уступите его мне обратно, а деньги я вам отработаю.

— Да бери хоть даром. Всё равно не будет у меня жить…

— Нет уж, зачем даром. Это нехорошо…

Вернулся столяр домой такой весёлый. Давно его таким не видали. Помолился Богу и принялся за свою работу. Опять засвистела пила, и полете-

ли стружки… Опять соседи услышали, как поёт столяр, работает и поёт.

— Ну, теперь всё у нас пойдёт хорошо, — говорит Шарик, — хозяин поёт, значит, беда прошла…

Вылез из-под крыльца козёл, посмотрел кругом, мотнул бородой и сказал:

— Кабы не я, так все бы вы пропали тут…

Через год около избушки появились и новый забор, и новые ворота, и новый сарай. Прилетели голуби, зачиликали воробьи, вернулась старая мышь со всем семейством.

— Это он для нас, для мышей, выстроил, — уверяла мышь, осматривая сарай. — Ничего, как-нибудь поместимся… Ведь я ему говорила тогда, что не проживёт он без нас.

Сказка про славного царя Гороха и его прекрасных дочерей царевну Кутафью и царевну Горошинку

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Сказываются сказки старикам да старушкам на утешенье, молодым людям на поученье, а

малым ребятам на послушанье. Из сказки слова не выкинешь, а что было, то и быльём поросло. Только бежал мимо косой заяц — послушал длинным ухом, летела мимо жар-птица — посмотрела огненным глазом… Шумит, гудит зелёный лес, расстилается шёлковым ковром трава-мурава с лазоревыми цветиками, поднимаются к небу каменные горы, льются с гор быстрые реки, бегут по синю морю кораблики, а по тёмному лесу на добром коне едет могуч русский богатырь, едет путём-дорогою, чтобы добыть разрыв-траву, которой открывается счастие богатырское. Ехал-ехал богатырь и доехал до росстани, где сбежались три пути-дороженьки. По какой ехать? Поперёк одной лежит дубовая колода, на другой стоит берёзовый пень, а по третьей ползёт маленький червяк-светлячок. Нет дальше ходу богатырю.

— Чур меня! — крикнул он на весь дремучий лес. — Отвались от меня нечистая сила…

От этого покрика богатырского с хохотом вылетел из берёзового дупла сыч, дубовая колода превратилась в злую ведьму и полетела за сычом, засвистели над богатырской головой чёрные во́роны.

— Чур меня!..

И вдруг всё пропало, сгинуло. Остался на дороге

один червячок-светлячок, точно кто потерял дорогой камень-самоцвет.

— Ступай прямо! — крикнула из болота лягушка. — Ступай, да только не оглядывайся, а то худо будет…

Поехал богатырь прямо, а впереди поляна, а на поляне огненными цветами цветут папоротники. За поляной, как зеркало, блестит озеро, а в озере плавают русалки с зелёными волосами и смеются над богатырём девичьим смехом.

— У нас, богатырь, разрыв-трава! У нас твоё счастье…

Задумался могучий богатырь — остановился добрый конь.

Впрочем, что же это я вам рассказываю, малые ребятки? — это только присказка, а сказка впереди.

I

Жил-был, поживал славный царь Горох в своём славном царстве гороховом. Пока был молод царь Горох, больше всего он любил повеселиться. День и ночь веселился, и все другие веселились с ним.

— Ах, какой у нас добрый царь Горох! — говорили все.

А славный царь Горох слушает, бородку поглаживает, и ещё ему делается веселее. Любил царь Горох, когда его все хвалили.

Потом любил царь Горох повоевать с соседними королями и другими славными царями. Сидит-сидит, а потом и скажет:

— А не пойти ли нам на царя Пантелея? Что-то он как будто стал зазнаваться на старости лет… Надо его проучить.

Войска у царя Гороха было достаточно, воеводы были отличные, и все были рады повоевать. И весь народ тоже был рад войне. Может быть, и самих побьют, а всё-таки рады. Счастливо воевал царь Горох и после каждой войны привозил много всякого добра — и золотой казны, и самоцветных каменьев, и шёлковых тканей, и пленников. Он ничем не брезговал и брал дань

всем, что попадало под руку: мука — подавай сюда и муку, дома пригодится; корова — давай и корову, сапоги — давай и сапоги, масло — давай масло в кашу. Даже брал царь Горох дань лыком и веником. Все подданные очень его любили за этот обычай: чужая каша всегда слаще своей, и чужим веником лучше париться.

Все иностранные короли и славные цари завидовали удаче царя Гороха, а главное, его весёлому характеру. Царь Пантелей, у которого борода была до колен, говорил прямо:

— Хорошо ему жить, славному царю Гороху, когда у него весёлый характер. Я отдал бы половину своей бороды, если бы умел так веселиться.

Но совсем счастливых людей не бывает на свете. У каждого найдётся какое-нибудь горе. Ни подданные, ни воеводы, ни бояре не знали, что у весёлого царя Гороха тоже есть своё горе, да ещё не одно, а целых два горя. Знала об этом только одна жена царя Гороха, славная царица Луковна, родная сестра царя Пантелея. Царь и царица от всех скрывали своё горе, чтобы народ не стал смеяться над ними. Первое горе заключалось в том, что у славного царя Гороха на правой руке было шесть пальцев. Он таким родился, и это скрывали с самого детства, так что славный царь

Горох никогда не снимал с правой руки перчатки. Конечно, шестой палец — пустяки, можно жить и с шестью пальцами, а беда в том, что благодаря этому шестому пальцу царю Гороху всего было мало. Он сам признавался своей царице Луковне:

— Кажется, взял бы всё на свете одному себе… Разве я виноват, что у меня так рука устроена?

— Что же, бери, пока дают, — утешала его царица Луковна. — Ты не виноват. А если даром не отдают, так можно и силой отнять.

Царица Луковна во всём и всегда соглашалась с своим славным царём Горохом. Подданные тоже не спорили и верили, что воюют для славы, отбирая чужую кашу и масло. Никто и не подозревал, что у славного царя Гороха шесть пальцев на руке и что он из жадности готов был отнять даже бороду у царя Пантелея, тоже славного и храброго царя.

II

Второе горе славного царя Гороха было, пожалуй, похуже. Дело в том, что первым у славного царя Гороха родился сын, славный и храбрый царевич Орлик, потом родилась прекрасная царевна Кутафья неописанной красоты, а третьей родилась маленькая-маленькая царевна Горошинка, такая маленькая, что жила в коробочке, в которой раньше славная царица Луковна прятала свои серёжки. Маленькой царевны Горошинки решительно никто не видал, кроме отца с матерью.

— Что мы с ней будем делать, царица? — спрашивал в ужасе славный царь Горох. — Все люди родятся как люди, а наша дочь с горошинку…

— Что же делать — пусть живёт… — печально отвечала царица.

Даже царевич Орлик и прекрасная царевна Кутафья не знали, что у них есть сестра Горошинка. А мать любила свою Горошинку больше, чем других детей: тех и другие полюбят, а эта мила только отцу с матерью.

Царевна Горошинка выросла ростом в горошинку и была так же весела, как отец. Её трудно

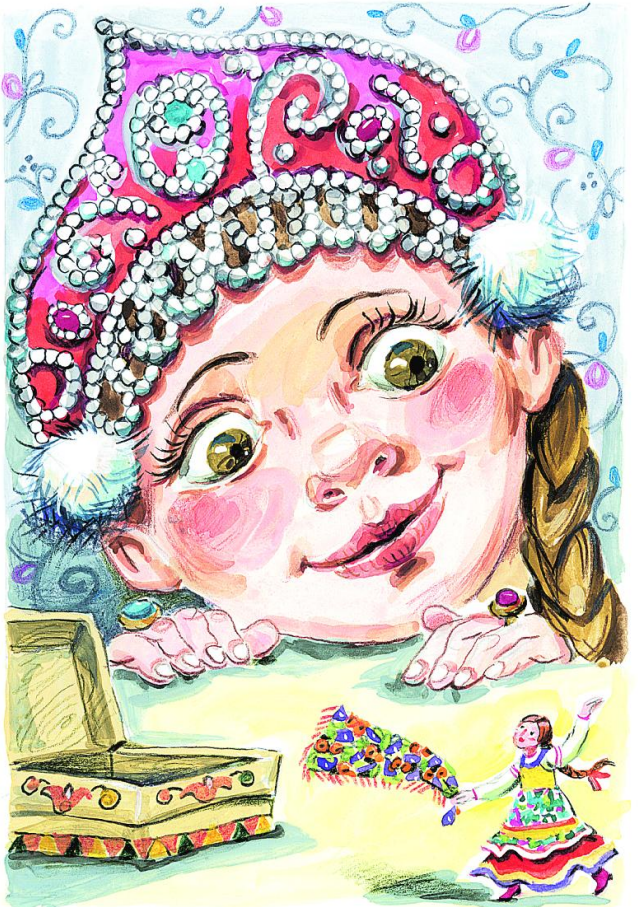
было удержать в коробочке. Царевне хотелось и побегать, и поиграть, и пошалить, как другие дети. Царица Луковна запиралась в своей комнате, садилась к столу и открывала коробочку. Царевна Горошинка выскакивала и начинала веселиться. Стол ей казался целым полем, по которому она бегала, как другие дети бегают по настоящему полю. Мать протянет руку, и царевна Горошинка едва вскарабкается на неё. Она любила везде прятаться, и мать, бывало, едва её найдёт, а сама боится пошевелиться, чтобы, грешным делом, не раздавить родного детища. Приходил и славный царь Горох полюбоваться на свою царевну Горошинку, и она пряталась у него в бороде, как в лесу.

— Ах, какая она смешная!.. — удивлялся царь Горох, качая головой.

Маленькая царевна Горошинка тоже удивлялась. Какое всё большое кругом — и отец с матерью, и комнаты, и мебель! Раз она забралась на окно и чуть не умерла от страха, когда увидала бежавшую по улице собаку. Царевна жалобно запищала и спряталась в напёрсток, так что царь Горох едва её нашёл.

Всего хуже было то, что, как царевна Горошинка стала подрастать, — ей хотелось всё видеть

и всё знать. И то покажи ей, и другое, и третье… Пока была маленькой, так любила играть с мухами и тараканами. Игрушки ей делал сам царь Горох — нечего делать, хоть и царь, а мастери для дочери игрушки. Он так выучился этому делу, что никто другой в государстве не сумел бы сделать такую тележку для царевны Горошинки или другие игрушки. Всего удивительнее было то, что мухи и тараканы тоже любили маленькую царевну, и она даже каталась на них, как большие люди катаются на лошадях. Были, конечно, и свои неприятности. Раз царевна Горошинка упросила мать взять её с собой в сад.

Царица открывала коробочку, а царевна Горошинка выскакивала и начинала веселиться

— Только одним глазком взглянуть, матушка, какие сады бывают, — упрашивала царевна Горошинка, — я ничего не сломаю и не испорчу…

— Ах, что я с ней буду делать? — взмолилась царица Луковна.

Однако пошли в сад. Царь Горох стоял настороже, чтобы кто-нибудь не увидал царевны Горошинки, а царица вышла на дорожку и выпустила из коробочки свою дочку. Ужасно обрадовалась царевна Горошинка и долго резвилась на песочке и даже спряталась в колокольчике. Но эта игра чуть не кончилась бедой. Царевна Горошинка забралась в траву, а там сидела толстая, старая лягушка — увидала она маленькую царевну, раскрыла пасть и чуть не проглотила её, как муху. Хорошо, что вовремя прибежал сам славный царь Горох и раздавил лягушку ногой.

III

Так жил да поживал славный царь Горох. Все думали, что он останется весёлым всегда, а вышло не так. Когда родилась царевна Горошинка, он уже был не молод, а потом начал быстро стариться. На глазах у всех старился славный царь Горох. Лицо осунулось, пожелтело, глаза ввалились, руки начали трястись, а старого веселья как не бывало. Сильно изменился царь Горох, а с ним вместе приуныло и всё гороховое царство. Да и было отчего приуныть: состарившийся царь Горох сделался подозрительным, всюду видел измену и никому не верил, даже самым любимым боярам и воеводам.

— Никому не верю! — говорил царь Горох им в глаза. — Все вы готовы изменить мне при первом удобном случае, а за спиной, наверно, смеётесь надо мной... Всё знаю!.. Лучше и не оправдывайтесь.

— Помилуй, славный царь Горох! — взмолились бояре и воеводы. — Да как мы посмеем что-нибудь дурное даже подумать... Все тебя любят, славный царь Горох, и все готовы жизнь свою отдать за тебя.

— Знаю, знаю. Правые люди не будут оправдываться. Вы только то и делаете, что ждёте моей смерти.

Все начали бояться славного царя Гороха. Такой был хороший и весёлый царь, а тут вдруг точно с печи упал — и узнать нельзя. И скуп сделался славный царь Горох, как Кощей. Сидит и высчитывает, сколько добра у него съели и выпили гости, да, кроме того, сколько ещё разных подарков получили. И обидно старику, что столько добра пущено на ветер, и жаль своей царской казны. Начал славный царь Горох всех притеснять, каждую денежку высчитывать и даже по утрам сидел в кухне и смотрел, как варят ему щи, чтобы повара не растащили провианта.

— Воры вы все! — корит царь Горох своих поваров. — Только отвернись, вы всю говядину из горшка повытаскаете, а мне одну жижу оставите.

— Смилуйся, царь-государь! — вопили повара и валялись у царя Гороха в ногах. — Да как мы посмеем таскать твою говядину из горшков…

— Знаю, знаю. У меня всё царство вор на воре — вором погоняет.

Дело дошло до того, что славный царь Горох велел при себе и хлеб резать, и сам считал куски и

даже коров доить стал, чтобы не выпили царского молока неверные слуги. Всем пришлось плохо, даже царица Луковна — и та голодала. Плачет, а попросить кусочка хлеба не смеет у царя. Исхудала бедная и только одному радовалась, что ровно ничего не стоило прокормить любимую дочь Горошинку. Царевна Горошинка была сыта крошечками…

«Испортили царя! — думали все. — Какой-нибудь колдун испортил, не иначе дело. Долго ли испортить всякого человека… А какой был у нас славный да весёлый царь!..»

А славный царь Горох с каждым днём делался всё хуже и злее. Начал он людей по тюрьмам сажать, а других прямо казнил. Ходят по всему гороховому царству немилостивые царские пристава, ловят людей и казнят. Чтобы услужить царю Гороху, они выбирали самых богатых, чтобы их именье пошло в царскую казну.

— Однако сколько у меня развелось изменников! — удивляется славный царь Горох. — Это они у меня столько всякого добра наворовали… А я-то по простоте ничего и не замечаю. Ещё бы немного, так я бы сам с голоду помер…

IV

С каждым днём славный царь Горох делался всё хуже и хуже, а народ всё искал, кто его испортил. Искали-искали и наконец нашли. Оказалось, что царя испортила его родная дочь, прекрасная царевна Кутафья. Да, она самая… Нашлись люди, которые своими глазами видели, как она вылетала из дворца, обернувшись сорокой, а то ещё хуже — бегала по городу мышью и подслушивала, кто и что болтает про царя. От неё, дескать, и всё зло по гороховому царству пошло. Доказательства были все налицо: славный царь Горох любил только одну прекрасную царевну Кутафью. Он даже прогнал всех своих поваров, а главного повесил перед кухней, и теперь царское кушанье готовила одна прекрасная царевна Кутафья. Ей только одной верил теперь царь Горох и никому больше.

— Что нам делать теперь? — жаловались все друг другу. — Домашний враг сильнее всех… Погубит прекрасная царевна Кутафья всё царство. Некуда нам деваться от колдуньи…

Впрочем, оставалась ещё одна последняя надежда. О красоте царевны Кутафьи прошла слава

по всем землям, и к царю Гороху наезжали женихи со всех сторон. Лиха беда в том, что она всем отказывала. Всё не хороши женихи. Но ведь надоест же когда-нибудь ей в девках сидеть, выйдет она замуж, и тогда все вздохнут свободно. Думали, судили, рядили, передумывали, а прекрасная царевна Кутафья и думать ничего не хотела о женихе. Последним наехал к царю Гороху молодой король Косарь, красавец и богатырь, каких поискать, но и он получил отказ, то есть отказал ему сам царь Горох.

— Королевство у тебя маловато, король Косарь, — заявил ему славный царь Горох, поглаживая бородку. — Еле-еле сам сыт, а чем жену будешь кормить?

Обиделся король Косарь, сел на своего коня и сказал на прощанье царю Гороху:

— Из маленького королевства может вырасти и большое, а из большого царства ничего не останется. Отгадай, что это значит?

Славный царь Горох только посмеялся над хвастовством короля Косаря: молод ещё, на губах молоко не обсохло. Царевны, прекрасной Кутафьи, отец даже не спросил, нравится ей или не нравится король Косарь. Не девичье это дело женихов разбирать — отец с матерью лучше знают,

кому отдать родное детище. Прекрасная царевна Кутафья видела из своего терема, как уезжал домой король Косарь, и горько плакала.

Пришёлся ей к самому сердцу красавец-король, да, видно, ничего против воли родительской не поделаешь. Всплакнула и царица Луковна, жалеючи дочь, а сама и пикнуть не смела перед царём.

Не успел славный царь Горох оглянуться, как король Косарь принялся разгадывать свою загадку. Первым делом он пошёл войной на царя Пантелея, начал брать города и избил несчётное число народа. Испугался царь Пантелей и стал просить помощи у царя Гороха. Раньше они ссорились и иногда воевали, но в беде некогда разбирать старых счётов. Однако славный царь Горох опять погордился и отказал.

— Управляйся, как знаешь, — сказал он через послов царю Пантелею. — Всякому своя рубашка ближе к телу.

Не прошло и полугода, как прибежал и сам царь Пантелей. У него ничего не осталось, кроме бороды, а его царством завладел король Косарь.

— Напрасно ты мне не помог, — укорял он царя Гороха. — Вместе-то мы его победили бы, а теперь он меня разбил и тебя разобьёт.

— Это ещё мы увидим, а твой Косарь — молокосос...

V

Завоевав царство Пантелея, король Косарь послал к славному царю Гороху своих послов, которые и сказали:

— Отдай нашему храброму королю Косарю свою дочь, прекрасную царевну Кутафью, а то и тебе будет то же, что царю Пантелею.

Рассердился царь Горох и велел казнить косарёвых послов, а самому королю Косарю послал собаку с обрубленным хвостом. Вот, дескать, тебе самая подходящая невеста…

Рассердился и король Косарь и пошёл войной на гороховое царство, идёт — и народ, словно косой, косит. Сколько сёл разорил, сколько городов выжег, сколько народу погубил, а воевод, которых выслал против него царь Горох, в полон взял. Долго ли, коротко ли сказка сказывается, а только король Косарь подступил уже к самой столице, обложил её кругом, так что никому ни проходу, ни проезду нет, и опять шлёт послов к славному царю Гороху.

— Отдай замуж свою дочь, прекрасную царевну Кутафью, нашему королю Косарю, — говорили послы. — Ты первых послов казнил и нас можешь

казнить. Мы люди подневольные…

— Лучше я сам умру, а дочери не отдам вашему королю! — ответил царь Горох. — Пусть сам берёт, если сумеет только взять… Я ведь не царь Пантелей.

Хотел славный царь Горох и этих послов казнить, да за них вовремя заступилась сама прекрасная царевна Кутафья. Бросилась она в ноги грозному отцу и начала горько плакать:

— Лучше меня вели казнить, отец, а эти люди не виноваты… Сними с меня голову, только не губи других. Из-за меня, несчастной, напрасно льётся кровь и гибнут люди…

— Вот как? Отлично… — ответил славный царь Горох. — Ты отца родного променяла на каких-то послов? Спасибо, доченька… Может быть, тебе хочется замуж за короля Косаря? Ну, этого ты не дождёшься… Всё царство загублю, а тебе не бывать за Косарём…

Страшно рассердился царь Горох на любимую дочь и велел посадить её в высокую-высокую башню, где томились и другие заключённые, а в подвал были посажены косарёвы послы. Народ узнал об этом и толпами приходил к башне, чтобы ругать опальную царевну.

— Отдай нам наши города, взятые королём

Косарём! — кричали ей снизу потерявшие от горя голову люди. — Отдай всех, которых убил король Косарь! Из-за тебя мы и сами перемрём все голодной смертью… Ты испортила и своего отца, который раньше не был таким.

Страшно делалось прекрасной царевне Кутафье, когда она слышала такие слова. Ведь её разорвали бы на мелкие части, если бы она вышла из башни. А чем она виновата? Кому она сделала такое зло? Вот и родной отец её возненавидел ни за что… Горько и обидно делается царевне, и горько-горько она плачет, день и ночь плачет.

— И для чего я только уродилась красавицей? — причитывала она, ломая руки. — Лучше бы мне родиться каким-нибудь уродом, хромой и горбатой… А теперь все против меня. Ох, лучше бы меня казнил отец!..

А в столице уже начинался голод. Голодные люди приходили к башне и кричали:

— Прекрасная царевна Кутафья, дай нам хлеба! Мы умираем с голоду. Если нас не жалеешь, то пожалей наших детей.

VI

Жалела прекрасную царевну Кутафью одна мать. Знала она, что дочка ни в чём не виновата. Все глаза выплакала старая царица Луковна, а мужу ничего не смела сказать. И плакала она потихоньку ото всех, чтобы кто-нибудь не донёс царю. Материнское горе видела одна царевна Горошинка и плакала вместе с ней, хотя и не знала, о чём плачет. Очень ей жаль было матери — такая большая женщина и так плачет.

— Мама, скажи, о чём ты плачешь? — спрашивала она. — Ты только скажи, а я попрошу отца… Он всё устроит.

— Ах, ты ничего не понимаешь, Горошинка.

Царица Луковна не подозревала, что Горошинка знала гораздо больше, чем она думала. Ведь это был необыкновенный ребёнок. Горошинке улыбались цветы, она понимала, о чём говорят мухи, а когда выросла большой, то есть ей исполнилось семнадцать лет, с Горошинкой произошло нечто совершенно необыкновенное, о чём она никому не рассказывала. Стоило ей захотеть — и Горошинка превращалась в муху, в мышку, в маленькую птичку. Это было очень ин-

тересно. Горошинка пользовалась тем временем, когда мать спала, и вылетала в окно мухой. Она облетела всю столицу и всё рассмотрела. Когда отец заключил прекрасную Кутафью в башню, она пролетела и к ней. Царевна Кутафья сидела у окна и горько-горько плакала. Муха-Горошинка полетала около неё, пожужжала и наконец проговорила:

— Не убивайся, сестрица. Утро вечера мудренее…

Царевна Кутафья страшно перепугалась. К ней никого не допускали, а тут вдруг человеческий голос.

— Это я, твоя сестрёнка Горошинка.

— У меня нет никакой сестрицы…

— А я-то на что?

Горошинка рассказала о себе всё, и сёстры поцеловались. Теперь обе плакали от радости и не могли наговориться. Прекрасная царевна Кутафья смущалась только одним: именно, что маленькая сестрёнка Горошинка умеет превращаться в муху. Значит, она колдунья, а все колдуньи злые.

— Нет, я не колдунья, — объясняла обиженная Горошинка. — А только заколдована кем-то, и на мне положен какой-то зарок, а какой зарок

— никто не знает. Что-то я должна сделать, чтобы превратиться в обыкновенную девушку, а что — не знаю.

Прекрасная царевна Кутафья рассказала о всех своих злоключениях: как она жалела отца, который сделался злым, а потом сколько горя из-за неё терпит теперь всё гороховое царство. А чем она виновата, что король Косарь непременно хочет жениться на ней? Он даже и не видал её ни разу.

— А тебе он нравится, сестрица? — лукаво спросила Горошинка.

Прекрасная царевна Кутафья только опустила глаза и покраснела.

— Раньше нравился… — объяснила она со смущением. — А теперь я его не люблю. Он — злой.

— Хорошо. Понимаю. Ну, утро вечера мудренее…

VII

Всё гороховое царство было встревожено. Во-первых, царевич Орлик попался в плен злому королю Косарю, а во-вторых, исчезла из башни прекрасная царевна Кутафья. Отворили утром тюремщики дверь в комнату царевны Кутафьи, а её и след простыл. Ещё больше удивились они, когда увидели, что у окошка сидит другая девица, сидит и не шелохнётся.

— Ты как сюда попала? — удивились тюремщики.

— А так… Вот пришла и сижу.

И девица какая-то особенная — горбатая да рябая, а на самой надето платьишко худенькое, всё в заплатках. Пришли тюремщики в ужас.

— Что ты наделала-то, умница? Ведь расказнит нас славный царь Горох, что не уберегли мы прекрасной царевны Кутафьи…

Побежали во дворец и объявили всё. Прибежал в башню сам славный царь Горох — так бежал, что и шапку дорогой потерял.

— Всех казню! — кричал он.

— Царь-государь, смилуйся! — вопили тюремщики, валяясь у него в ногах. — Что хочешь

делай, а мы не виноваты. Видно, посмеялась над нами, бедными, прекрасная царевна Кутафья…

Посмотрел славный царь Горох на рябую девицу, которая как ни в чём не бывало сидела у окошечка, и подивился не меньше тюремщиков.

— Да ты откуда взялась-то, красота писаная? — строго спросил он.

— А так… Где была — там ничего не осталось.

Удивляется славный царь Горох, что так смело отвечает ему рябая девица и нисколько его не боится.

— А ну-ка, повернись… — сказал он, удивляясь.

Как поднялась девица, все увидели, что она хромая, а платьишко на ней едва держится — заплата на заплате.

«Этакую ворону и казнить даже не стоит», — подумал славный царь Горох.

Собрались тюремщики, тоже смотрят и тоже дивуются.

— Как тебя звать-то, красавица? — спросил царь Горох.

— А как нравится, так и зови… Прежде звали Босоножкой.

— И ты меня не боишься?

— Чего мне тебя бояться, когда ты добрый… Так и все говорят: какой у нас добрый царь Горох!

Много всяких чудес насмотрелся царь Горох, а такого чуда не видывал. Прямо в глаза смеётся над ним мудрёная девица. Задумался славный царь Горох и даже не пошёл домой обедать, а сам остался караулить в башне. Тюремщики были закованы в цепи и отведены в другую тюрьму. Не умели ухранить царской дочери, так пусть сами сидят…

— Скажите царице Луковне, чтобы послала мне сюда щей и каши, — приказал царь Горох. — А я сам буду сторожить. Дело не чисто…

А царица Луковна убивалась у себя во дворце. Плачет, как река льётся. Сына в полон взял злой король Косарь, прекрасная дочь Кутафья исчезла, а тут ещё пропала царевна Горошинка. Искала-искала её царица по всем комнатам — нет нигде Горошинки.

«Видно, её мышь загрызла или воробей заклевал», — думала царица Луковна и ещё больше плакала.

VIII

В столице славного царя Гороха и стон, и плач, и горе, а злой король Косарь веселится в своём стане. Чем хуже славному царю Гороху, тем веселее злому королю Косарю. Каждое утро злой король Косарь пишет письмо, привязывает его к стреле и пускает в город. Его последнее письмо было такое:

«Эй ты, славный царь Горох, немного у тебя закуски осталось, — приходи ко мне, я тебя накормлю. Царю Пантелею я хоть бороду оставил, а у тебя и этого нет — у тебя не борода, а мочалка».

Сидит славный царь Горох в башне, читает королевские письма и даже плачет от злости.

Весь народ, сбежавшийся к столице, страшно голодал. Люди умирали от голода прямо на улице. Теперь уже никто не боялся славного царя Гороха — всё равно умирать. Голодные люди приходили прямо к башне, в которой заперся царь Горох, и ругали его:

— Вот, старый колдун караулит ведьму-дочь… Сжечь их надо, а пепел пустить по ветру. Эй, Горох, выходи лучше добром!

Слушает все эти слова царь Горох и плачет.

Зачем он злился и притеснял всех? Пока был добрый — всё было хорошо. Гораздо выгоднее быть добрым. Догадался царь Горох, как следовало жить, да поздно. А тут ещё рябая девица сидит у окошка и поёт:

Жил да поживал славный царь Горох,
Победить его никто не мог…
А вся сила в том была,
Что желал он всем добра.

— Правда, правда… — шептал царь Горох, обливаясь слезами.

Потом мудрёная девица сказала ему:

— Вот что, славный царь Горох… Не ты меня держишь в башне, а я тебя держу. Понял? Ну, так довольно… Нечего тебе здесь больше делать. Ступай-ка домой — царица Луковна очень соскучилась о тебе. Как придёшь домой — собирайся в дорогу. Понял? А я приду за вами…

— Как же я пойду — меня убьют дорогой.

— Никто не убьёт. Вот я тебе дам пропуск…

Оторвала девица одну заплатку со своего платья и подала царю. И действительно, дошёл царь Горох до самого дворца, и никто его не узнал, даже свои дворцовые слуги. Они даже не хотели его пускать во дворец. Славный царь Горох хотел

было рассердиться и тут же всех их казнить, да вовремя припомнил, что добрым быть куда выгоднее. Сдержался царь Горох и сказал слугам:

— Мне бы только увидать царицу Луковну. Всего одно словечко сказать…

Слуги смилостивились и допустили старика к царице. Когда он шёл в царские покои, они сказали ему одно:

— Царица у нас добрая, смотри не вздумай просить у неё хлеба. Она и сама через день теперь ест. А всё из-за проклятого царя Гороха…

Царица Луковна узнала мужа сразу и хотела броситься к нему на шею, но он сделал ей знак и шепнул:

— Бежим скорее… После всё расскажу.

Сборы были короткие — что можно унести в руках. Царица Луковна взяла только одну пустую коробочку, в которой жила Горошинка. Скоро пришла и Босоножка и повела царя с царицей. На улице догнал их царь Пантелей и со слезами заговорил:

— Что же это вы меня одного оставляете?

— Ну идём с нами… — сказала Босоножка. — Веселее вместе идти.

IX

Король Косарь стоял под столицей царя Гороха уже второй год и не хотел брать города приступом, чтобы не губить напрасно своих королевских войск. Всё равно сами сдадутся, когда «досыта наголодаются».

От нечего делать веселится злой король Косарь в своей королевской палатке. Веселится и днём, веселится и ночью. Горят огни, играет музыка, поют песни… Всем весело, только горюют одни пленники, которых охраняет крепкая королевская стража. А среди всех этих пленников больше всех горюет царевич Орлик, красавец Орлик, о котором тосковали все девушки, видавшие его хотя бы издали. Это был орлёнок, выпавший из родного гнезда. Но приставленная к царевичу стража стала замечать, что каждое утро прилетает откуда-то белобокая сорока и что-то долго стрекочет по-своему, по-сорочьему, а сама так и вьётся над землянкой, в которой сидел пленный царевич. Пробовали стрелять в неё, но никто попасть не мог.

— Это какая-то проклятая птица! — решили все.

Как ни веселился король Косарь, а надоело ему ждать покорности. Послал он в осаждённый город стрелу с письмом, в котором предупреждал царя Гороха, что если города ему не сдадут, то завтра царевич Орлик будет казнён. Ждал Косарь ответа до самого вечера, но так и не получил его. И в столице не знал ещё никто, что славный царь Горох бежал.

— Завтра казнить царевича Орлика, — приказал король Косарь. — Надоело мне ждать… Всех буду казнить, кто только попадётся мне в руки. Пусть помнят, какой был король Косарь…

К утру всё было готово для казни. Собралось всё королевское войско смотреть, как будут казнить царевича Орлика. Вот уже загудели уныло трубы, и сторожа вывели царевича. Молодой красавец не трусил, а только с тоской смотрел на родную столицу, стены которой были усыпаны народом. Там уже было известно о казни царевича.

Король Косарь вышел из палатки и махнул платком — это значило, что прощения не будет. Но как раз в это время налетела сорока, взвилась над землянкой пленного царевича и страшно затрещала. Она вилась над самой головой короля Косаря.

— Что это за птица? — рассердился король

Косарь.

Придворные бросились отгонять птицу, а она так и лезет — кого в голову клюнет, кого в руку, а кому прямо в глаз норовит попасть. И придворные рассердились. А сорока села на золотую маковку королевской палатки и точно всех дразнит. Начали в неё стрелять, и никто попасть не может.

— Убейте её! — кричит король Косарь. — Да нет, куда вам… Давайте мне мой лук и стрелы. Я покажу вам, как нужно стрелять…

Натянул король Косарь могучей рукой тугой лук, запела оперённая лебединым пером стрела, и свалилась с маковки сорока. Тут у всех на глазах свершилось великое чудо. Когда подбежали поднять убитую сороку, на земле лежала с закрытыми глазами девушка неописанной красоты. Все сразу узнали в ней прекрасную царевну Кутафью. Стрела попала ей прямо в левую руку, в самый мизинец. Подбежал сам король Косарь, припал на колени и в ужасе проговорил:

— Девица-краса, что ты со мной сделала?

Раскрылись чудные девичьи глаза, и прекрасная царевна Кутафья ответила:

— Не вели казнить брата Орлика…

Король Косарь махнул платком, и стража, окру-

жающая царевича, расступилась.

X

Ведёт Босоножка двух царей да царицу Луковну, а они идут да ссорятся. Всё задирает царь Пантелей.

— Ах, какое у меня отличное царство было!.. — хвастается он. — Такого другого царства и нет…

— Вот и врёшь, царь Пантелей! — спорит Горох. — Моё было не в пример лучше…

— Нет, моё!..

— Нет, моё!..

Как ни старается царь Горох сделаться добрым, а никак не может. Как тут будешь добрым, когда царь Пантелей говорит, что его царство было лучше?

Опять идут.

— А сколько у меня всякого добра было! — говорит царь Пантелей. — Одной казны не пересчитаешь. Ни у кого столько не было.

— Опять врёшь! — сказал царь Горох. — У меня и добра и казны было больше.

Идут цари и ссорятся. Царица несколько раз дёргала царя Гороха за рукав и шептала:

— Перестань, старик… Ведь ты же хотел быть добрым?

— А ежели царь Пантелей мешает мне быть добрым? — сердится славный царь Горох.

Всякий думает о своём, а царица Луковна — всё о детях. Где-то красавец-царевич Орлик? Где-то прекрасная царевна Кутафья? Где-то царевна Горошинка? Младшей дочки было ей больше всего жаль. Поди, и косточек не осталось от Горошинки… Идёт царица и потихоньку вытирает материнские слёзы рукавом.

А цари отдохнут и опять спорят. Спорили, спорили, чуть не подрались. Едва царица Луковна их разняла.

— Перестаньте вы грешить, — уговаривала она их. — Оба лучше… Ничего не осталось, так и хвалиться нечем.

— У меня-то осталось! — озлился славный царь Горох. — Да, осталось… Я и сейчас богаче царя Пантелея.

Рассердился царь Горох, сдёрнул перчатку с правой руки, показал царю Пантелею свои шесть пальцев и говорит:

— Что, видел? У тебя пять пальцев всего, а у меня целых шесть — вот и вышло, что я тебя богаче.

— Эх ты, нашёл чем хвалиться! — засмеялся царь Пантелей. — Уж если на то пошло, так у

меня одна борода чего стоит…

Долго спорили цари, опять чуть не подрались, но царь Пантелей изнемог, присел на кочку и заплакал. Царю Гороху сделалось вдруг совестно. Зачем он хвастался своими шестью пальцами и довёл человека до слёз?

— Послушай, царь Пантелей… — заговорил он. — Послушай… брось!..

— Никак не могу бросить, царь Горох.

— Да ты о чём?

— А я есть хочу. Лучше уж было остаться в столице или идти к злому королю Косарю. Всё равно помирать голодною смертью…

Подошла Босоножка и подала царю Пантелею кусок хлеба. Съел его царь Пантелей да как закричит:

— А что же ты, такая-сякая, щей мне не даёшь?!. По-твоему цари всухомятку должны есть? Да я тебя сейчас изничтожу…

— Перестань, нехорошо… — уговаривал царь Горох. — Хорошо, когда и кусок хлебца найдётся.

XI

Долго ли, коротко ли вздорили цари между собой, потом мирились, потом опять вздорили, а Босоножка идёт себе впереди, переваливается на кривых ногах да черёмуховой палкой подпирается. Царица Луковна молчала, боялась, чтобы не было погони, чтобы не убили царя Гороха, а когда ушли подальше и опасность миновала, она стала думать другое. И откуда взялась эта самая Босоножка? И платьишко на ней рваное, и сама она какая-то корявая да ещё к тому же хромая. Не нашёл царь Горох девицы хуже. Такой-то уродины и близко бы к царскому дворцу не пустили. Начала царица Луковна посерживаться и спрашивает:

— Эй ты, Босоножка, куда это ты нас ведёшь?..

Цари тоже перестали спорить и тоже накинулись на Босоножку:

— Эй ты, кривая нога, куда нас ведёшь?

Босоножка остановилась, посмотрела на них и только улыбнулась. А цари так к ней и подступают: сказывай, куда завела?

— А в гости веду… — ответила Босоножка и ещё прибавила: — Как раз к самой свадьбе поспеем.

Тут уж на неё накинулась сама царица Луков-

на и начала её бранить. И такая, и сякая — до свадьбы ли теперь, когда у всякого своего горя не расхлебаешь. В глаза смеётся Босоножка над всеми.

— Ты у меня смотри! — грозилась царица Луковна. — Я шутить не люблю.

«Эй ты, Босоножка, куда это ты нас ведёшь?...»

Ничего не сказала Босоножка, а только показала рукой вперёд. Теперь все увидели, что стоит впереди громадный город, с каменными стенами, башнями и чудными хоромами, перед городом раскинут стан и несметное войско. Немного струсили цари и даже попятились назад, а потом царь Пантелей сказал:

— Э, всё равно, царь Горох! Пойдём... Чему быть — того не миновать, а может, там и покормят. Очень уж я о щах стосковался...

Царь Горох тоже не прочь был закусить, да и царица Луковна проголодалась.

Нечего делать, пошли. Никто не думает даже, какой это город и чей стан раскинут. Царь Горох идёт и думает, зачем он хвастался перед царём Пантелеем своими шестью пальцами, — болтлив царь Пантелей и всем расскажет. А царица Луковна начала прихорашиваться и сказала Босоножке:

— Иди-ка ты, чумичка, позади нас, а то ещё осрамишь перед добрыми людьми...

Идут дальше. А их уж заметили на стану. Валит навстречу народ, впереди скачут вершники. Приосанились оба царя, а царь Пантелей сказал:

— Ну, теперь дело не одними щами пахнет, а и

кашей и киселём… Очень уж я люблю кисель!..

Смотрит царица Луковна и своим глазам не верит. Едет впереди на лихом коне сам красавец-царевич Орлик и машет своей шапкой. А за ним едет, тоже на коне, прекрасная царевна Кутафья, а рядом с ней едет злой король Косарь.

— Ну, теперь, кажется, вышла каша-то с маслом… — забормотал испугавшийся царь Пантелей и хотел убежать, но его удержала Босоножка.

Подъехали все, и узнал славный царь Горох родных детей.

— Да ведь это моя столица! — ахнул он, оглядываясь на город.

Спешились царевич Орлик и царевна Кутафья и бросились в ноги отцу и матери. Подошёл и король Косарь.

— Ну, что же ты пнём стоишь? — сказал ему славный царь Горох. — От поклону голова не отвалится…

Поклонился злой король Косарь и сказал:

— Бью тебе челом, славный царь Горох!.. Отдай за меня прекрасную царевну Кутафью.

— Ну, это ещё посмотрим, — гордо ответил царь Горох.

С великим торжеством повели гостей в королевскую палатку. Все их встречали с почётом.

Даже царь Пантелей приосанился. Только когда подходили к палатке, царица Луковна хватилась Босоножки, а её и след простыл. Искали-искали, ничего не нашли.

— Это была Горошинка, мама, — шепнула царице Луковне прекрасная царевна Кутафья. — Это она всё устроила.

Через три дня была свадьба — прекрасная царевна Кутафья выходила за короля Косаря. Осада с города была снята. Все ели, пили и веселились. Славный царь Горох до того развеселился, что сказал царю Пантелею:

— Давай поцелуемся, царь Пантелей… И из-за чего мы ссорились? Ведь ежели разобрать, и король Косарь совсем не злой…

XII

Когда царь Горох с царицей Луковной вернулся к себе домой со свадьбы, Босоножка сидела в царицыной комнате и пришивала на свои лохмотья новую заплатку. Царица Луковна так и ахнула.

— Да откуда ты взялась-то, уродина? — рассердилась старуха.

— Вы на свадьбе у сестрицы Кутафьи веселились, а я здесь свои заплатки чинила…

— Сестрицы?! Да как ты смеешь такие слова выговаривать, негодная!.. Да я велю сейчас тебя в три метлы отсюда выгнать — тогда и узнаешь сестрицу Кутафью…

— Мама, да ведь я твоя дочь — Горошинка!

У царицы Луковны даже руки опустились. Старуха села к столу и горько заплакала. Она только теперь припомнила, что сама Кутафья ей говорила о Горошинке. Весело было на свадьбе, и про Горошинку с радости все и забыли.

— Ох, забыла я про тебя, доченька, — плакалась царица Луковна. — Совсем из памяти вон… А ещё Кутафья про тебя мне шепнула. Вот грех какой вышел!

Но, посмотрев на Босоножку, царица Луковна

вдруг опять рассердилась и проговорила:

— Нет, матушка, не похожа ты на мою Горошинку… Ни-ни!.. Просто взяла да притворилась и назвалась Горошинкой. И Кутафью обманула… Не такая у меня Горошинка была…

— Право, мама, я Горошинка, — уверяла Босоножка со слезами.

— Нет, нет, нет… И не говори лучше. Ещё царь Горох узнает и сейчас меня казнить велит…

— Отец у меня добрый!..

— Отец?!. Да как ты смеешь такие слова говорить? Да я тебя в чулан посажу, чумазую!

Горошинка заплакала. Она же о всех хлопотала, а её и на свадьбу забыли позвать, да ещё родная мать хочет в чулан посадить. Царица Луковна ещё сильнее рассердилась и даже ногами затопала.

— Вот ещё горюшко навязалось! — кричала она. — Ну, куда я с тобою денусь? Придёт ужо царь Горох, увидит тебя — что я ему скажу? Да он и меня расказнит за такую-то дочь. Одним словом, обманываешь ты меня, а я ещё тебя слушаю. Уходи сейчас же с моих глаз…

— Некуда мне идти, мама…

— Какая я тебе мама?!. Ах ты, чучело гороховое, будет притворяться-то!.. Тоже придумает: дочь!

Царица Луковна и сердилась, и плакала, и решительно не знала, что ей делать. А тут ещё, сохрани бог, царь Горох как-нибудь узнает. Вот беда прикачнулась.

Думала, думала старушка и решила послать за дочерью Кутафьей: «Она помоложе, может, что и придумает, а я уж старуха, и взять с меня нечего…»

Недели через три приехала и Кутафья, да ещё вместе со своим мужем, королём Косарём. Всё царство обрадовалось, а во дворце поднялся такой пир, что царица Луковна совсем позабыла о Босоножке, то есть не совсем забыла, а всё откладывала разговор с Кутафьей.

«Пусть молодые-то повеселятся да порадуются, — думала царица Луковна. — Покажи им этакую чучелу, так все гости, пожалуй, разбегутся».

И гости веселятся напропалую, а всех больше царь Пантелей — пляшет старик, только борода трясётся. Король Косарь отдал ему всё царство назад, и царь Пантелей радовался, точно вчера родился. Он всех обнимал и лез целоваться, так что царь Горох даже немного рассердился.

— Что ты лижешь, Пантелей, точно телёнок!..

— Голубчик, царь Горохушко, не сердись!.. —

повторял царь Пантелей, обнимая старого друга. — Ах, какой ты… Теперь я опять никого не боюсь и хоть сейчас опять готов воевать.

— Ну, это дело ты брось… Прежде я тоже любил повоевать, а теперь ни-ни!.. И так проживём…

Чтобы как-нибудь гости не увидали Босоножки, царица Луковна запрятала её в своей комнате на ключ, и бедная девушка могла любоваться только в окно, как веселились другие. Гостей наехало со всех сторон видимо-невидимо, и было что посмотреть. Когда надоедало веселиться в горницах, все гости выходили в сад, где играла весёлая музыка, а по вечерам горели разноцветные огни. Царь Горох похаживал среди гостей, разглаживал свою бороду и весело приговаривал:

— Не скучно ли кому? Не обидел ли я кого? Хватает ли всем вина и еды? Кто умеет веселиться, тот добрый человек…

Босоножка видела из окна, как царь Пантелей с радости подбирал полы своего кафтана и пускался вприсядку. Он так размахивал длинными руками, что походил на мельницу или на летучую мышь. Не утерпела и царица Луковна — тряхнула стариной. Подбоченясь, взмахнула шёлковым платочком и поплыла павой, отбивая серебряными каблучками.

— Эх-эх-эх!.. — приговаривала она, помахивая платочком.

— Ай да старуха! — хвалил царь Горох. — Когда я был молодой, так вот как умел плясать, а теперь брюхо не позволяет…

Босоножка смотрела на чужое веселье и плакала: очень уж ей было обидно чужое веселье.

XIII

Сидя у своего окошка, Босоножка много раз видела сестру, красавицу Кутафью, которая ещё более похорошела, как вышла замуж. Раз Кутафья гуляла одна, и Босоножка ей крикнула:

— Сестрица Кутафья, подойдите сюда!

В первый раз Кутафья сделала вид, что не слыхала, во второй раз она взглянула на Босоножку и притворилась, что не узнала её.

— Милая сестрица, да ведь это я, Горошинка!

Красавица Кутафья пошла и пожаловалась матери. Царица Луковна страшно рассердилась, прибежала, выбранила Босоножку и закрыла окно ставнями.

— Ты у меня смотри! — ворчала она. — Вот ужо, дай только гостям уехать… Пристало ли тебе, чучеле, с красавицей Кутафьей разговаривать? Только меня напрасно срамишь…

Сидит Босоножка в темноте и опять плачет. Свету только и осталось, что щёлочка между ставнями. Нечего делать, от скуки и в щёлочку насмотришься. По целым часам Босоножка сидела у окна и смотрела в свою щёлочку, как другие веселятся. Смотрела-смотрела и увидела красав-

ца-витязя, который приехал на пир случайно. Хорош витязь — лицо белое, глаза соколиные, русые кудри из кольца в кольцо. И молод, и хорош, и удал. Все любуются, а другие витязи только завидуют. Нечего сказать, хорош был король Косарь, а этот получше будет. Даже гордая красавица Кутафья не один раз потихоньку взглянула на писаного красавца и вздохнула.

А у бедной Босоножки сердце так и бьётся, точно пойманная птичка. Очень уж ей понравился неизвестный витязь. Вот бы за кого она и замуж пошла. Да вся беда в том, что Босоножка не знала, как витязя зовут, а то как-нибудь вырвалась бы из своей тюрьмы и ушла бы к нему. Всё бы ему до капельки рассказала, а он, наверно, пожалел бы её. Ведь она хорошая, хотя и уродина.

Сколько гости ни пировали, а пришлось разъезжаться по домам. Царя Пантелея увезли совсем пьяного. На прощанье с дочерью царица Луковна вспомнила про свою Босоножку и расплакалась.

— Ах, что я с нею только делать буду, Кутафья… И царя Гороха боюсь, и добрых людей будет стыдно, когда узнают.

Красавица Кутафья нахмурила свои соболиные брови и проговорила:

— О чём ты плачешь, матушка? Пошли её в

кухню, на самую чёрную работу — вот и всё… Никто и не посмеет думать, что это твоя дочь.

— Да ведь жаль её, глупую…

— Всех уродов не пережалеешь. Да я и не верю ей, что она твоя дочь. Совсем не в нашу семью: меня добрые люди красавицей называют, и брат Орлик тоже красавец. Откуда же такой-то уродине взяться?

— Говорит, что моя…

— Мало ли что она скажет… А ты её пошли в кухню, да ещё к самому злому повару.

Сказано — сделано. Босоножка очутилась на кухне. Все повара и поварихи покатываются со смеху, глядя на неё:

— Где это наша царица Луковна отыскала такую красоту? Вот так красавица… Хуже-то во всём гороховом царстве не сыскать.

— И одежёнка на ней тоже хороша, — удивлялась повариха, разглядывая Босоножку. — Ворон пугать… Ну и красавица!

А Босоножка была даже рада, что освободилась из своего заточения, хотя её и заставляли делать самую чёрную работу — она мыла грязную посуду, таскала помои, мыла полы. Все так ею и помыкали, а особенно поварихи. Только и знают, что покрикивают:

— Эй ты, хромая нога, только даром царский хлеб ешь! А пользы от тебя никакой нет…

Особенно донимала её старая повариха, злющая старая баба, у которой во рту словно был не один язык, а целых десять. Случалось не раз, что злая баба и прибьёт Босоножку: то кулаком в бок сунет, то за косу дёрнет. Босоножка всё переносила. Что можно было требовать от чужих людей, когда от неё отказались родная мать и сестра. Спрячется куда-нибудь в уголок и потихоньку плачет — только и всего. И пожаловаться некому. Правда, царица Луковна заглядывала несколько раз на кухню и справлялась о ней, но все повари-хи и повара кричали в один голос:

— Ленивая-преленивая эта уродина, царица! Ничего делать не хочет, а только даром царский хлеб ест…

— А вы её наказывайте, чтобы не ленилась, — говорила царица.

Стали Босоножку наказывать: то без обеда оставят, то запрут в тёмный чулан, то поколотят. Больше всего возмущало всех то, что она перено-сила всё молча, и если плакала, то потихоньку.

— Это какая-то отчаянная! — возмущались все. — Её ничем не проймёшь. Она ещё что-ни-будь сделает с нами. Возьмёт да дворец подожжёт

— чего с неё взять, с колченогой!

Наконец вся дворня вышла из терпения, и все гурьбой пошли жаловаться царице Луковне:

— Возьми ты от нас, царица Луковна, свою уродину. Житья нам не стало с нею. Вот как замаялись с нею все — и не рассказать.

Подумала-подумала царица Луковна, покачала головой и сказала:

— А что я с ней буду делать? Надоело мне слушать про неё…

— Сошли ты её, царица-матушка, на задний двор. Пусть гусей караулит… Самое это подходящее ей дело.

— В самом деле, послать её в гусятницы! — обрадовалась царица Луковна. — Так и сделаем… По крайней мере, с глаз долой.

XIV

Совсем обрадовалась Босоножка, как сделали её гусятницей. Правда, кормили её плохо — на задний двор посылали с царского стола одни объедки, но зато с раннего утра она угоняла своих гусей в поле и там проводила целые дни. Завернёт корочку хлеба в платок — вот и весь обед. А как хорошо летом в поле — и зелёная травка, и цветочки, и ручейки, и солнышко смотрит с неба так ласково-ласково. Босоножка забывала про своё горе и веселилась, как умела. С нею разговаривали и полевая травка, и цветочки, и бойкие ручейки, и маленькие птички. Для них Босоножка совсем не была уродом, а таким же человеком, как и все другие.

— Ты у нас будешь царицей, — шептали ей цветы.

— Я и то царская дочь, — уверяла Босоножка.

Огорчало Босоножку только одно — каждое утро на задний двор приходил царский повар, выбирал самого жирного гуся и уносил. Очень уж любил царь Горох поесть жирной гусятины. Гуси ужасно роптали на царя Гороха и долго гоготали:

— Го-го-го… Ел бы царь Горох всякую другую

говядину, а нас бы лучше не трогал. И что мы ему понравились так, несчастные гуси!

Босоножка ничем не могла утешить бедных гусей и даже не смела сказать, что царь Горох совсем добрый человек и никому не желает делать зла. Гуси всё равно бы ей не поверили.

Хуже всего было, когда наезжали во дворец гости. Царь Пантелей один съедал целого гуся. Любил старик покушать, хотя и худ был, словно Кощей. Другие гости тоже ели, да царя Гороха похваливали. Вот какой добрый да гостеприимный царь… Не то что король Косарь, у которого много не разгостишься. Красавица Кутафья, как вышла замуж, сделалась такая скупая — всего ей жаль. Ну, гости похлопают глазами и уедут не солоно хлебавши к царю Гороху.

Как-то наехало гостей с разных сторон видимо-невидимо, и захотел царь Горох потешить их молодецкою соколиною охотой. Разбили в чистом поле царскую палату с золотым верхом, наставили столов, навезли и пива, и браги, и всякого вина, разложили по столам всякую еду. Приехали и гости — женщины в колымагах, а мужчины верхом. Гарцуют на лихих аргамаках, и каждый показывает свою молодецкую удаль. Был среди гостей и тот молодой витязь, который

так понравился Босоножке. Звали его Красик-богатырь. Все хорошо ездят, все хорошо показывают свою удаль, а Красик-богатырь — получше всех. Другие витязи и богатыри только завидуют.

— Веселитесь, дорогие гости, — приговаривает царь Горох, — да меня, старика, лихом не поминайте… Кабы не моё толстое брюхо, так я бы показал вам, как надо веселиться. Устарел я немного, чтобы удаль свою показывать… Вот, спросите царицу Луковну, какой я был молодец. Бывало, никто лучше меня на коне не проедет… А из лука как стрелял — раз как пустил стрелу в медведя и прямо в левый глаз попал, а она в правую заднюю ногу вышла.

Царица Луковна вовремя дёрнула за рукав расхваставшегося мужа, и царь Горох прибавил:

— То бишь это не медведь был, а заяц…

Тут царица Луковна дёрнула его опять за рукав, и царь Горох ещё раз поправился:

— То бишь и не заяц, а утка, и попал я ей не в глаз, а прямо-прямо в хвост. Так, Луковна?

— Так, так, царь Горох, — говорит царица. — Вот какой был удалый…

Расхвастались и другие витязи и богатыри, кто как умел. А больше всех расхвастался царь Пантелей.

— Когда я был молодой — теперь мне борода мешает, — так я одною стрелой убил оленя, ястреба и щуку, — рассказывал старик, поглаживая бороду. — Дело прошлое, теперь можно и похвастаться.

Пришлось царице Луковне дёрнуть за рукав и брата Пантелея, потому как очень уж он начал хвастаться. Смутился царь Пантелей, заикаться стал:

— Да я… я… Я прежде вот как лёгок был на ногу: побегу и зайца за хвост поймаю. Вот хоть царя Гороха спросите…

— Врёшь ты всё, Пантелей, — ответил царь Горох. — Очень уж любишь хвастать… да… И прежде хвастал всегда и теперь хвастаешь. Вот со мною действительно был один случай… да… Я верхом на волке целую ночь ездил. Ухватился за уши и сижу… Это все знают… Так, Луковна? Ведь ты помнишь?

— Да будет вам, горе-богатыри, — уговаривала расходившихся стариков царица. — Мало ли что было… Не всё же рассказывать. Пожалуй, и не поверят ещё… Может быть, и со мною какие случаи бывали, а я молчу. Поезжайте-ка лучше на охоту…

Загремели медные трубы, и царская охота вы-

ступила со стоянки. Царь Горох и царь Пантелей не могли ехать верхом и тащились за охотниками в колымаге.

— Как я прежде верхом ездил… — со вздохом говорил царь Горох.

— И я тоже… — говорил царь Пантелей.

— Лучше меня никто не умел проехать…

— И я тоже…

— Ну, уж это ты хвастаешь, Пантелей!

— И не думал… Спроси кого угодно.

— И всё-таки хвастаешь… Ну, сознайся, Пантелеюшка: прихвастнул малым делом?

Царь Пантелей оглянулся и шёпотом спросил:

— А ты, Горохушко?

Царь Горох тоже оглянулся и тоже ответил шёпотом:

— Чуть-чуть прибавил, Пантелеюшка… Так, на воробьиный нос.

— И велик же, должно быть, твой воробей!

Царь Горох чуть-чуть не рассердился, но вовремя вспомнил, что нужно быть добрым, и расцеловал Пантелея.

— Какие мы с тобою богатыри, Пантелеюшка… Даже всем это удивительно! Куда им, молодым-то, до нас…

XV

Босоножка пасла своих гусей и видела, как тешится царь Горох своею охотой. Слышала она весёлые звуки охотничьих рогов, лай собак и весёлые окрики могучих богатырей, так красиво скакавших на своих дорогих аргамаках. Видела Босоножка, как царские сокольничьи бросали своих соколов на разную болотную птицу, поднимавшуюся с озера или с реки, на которой она пасла своих гусей. Взлетит сокол кверху и камнем падёт на какую-нибудь несчастную птицу, только пёрышки посыплются. А тут отделился один витязь от царской охоты и несётся прямо на неё. Перепугалась Босоножка, что его сокол перебьёт её гусей, и загородила ему дорогу.

— Витязь, не тронь моих гусей! — смело крикнула она и даже замахнулась хворостиной.

Остановился витязь с удивлением, а Босоножка узнала в нём того самого, который понравился ей больше всех.

— Да ты кто такая будешь? — спросил он.

— Я царская дочь…

Засмеялся витязь, оглядывая оборванную Босоножку с ног до головы. Ни дать ни взять

— настоящая царская дочь… А главное, смела и даже хворостиной на него замахнулась.

— Вот что, царская дочь, дай-ка мне напиться воды, — сказал он. — Разжарился я очень, а слезать с коня неохота.

Пошла Босоножка к реке, зачерпнула воды в деревянный ковш и подала витязю.

Тот выпил, вытер усы и проговорил:

— Спасибо, красавица… Много я на свете видывал, а такую царскую дочь вижу в первый раз.

Вернулся богатырь на царскую ставку и рассказывает всем о чуде, на которое наехал.

Смеются все витязи и могучие богатыри, а у царицы Луковны душа в пятки ушла. Чего она боялась, то и случилось.

— Приведите её сюда, и посмотрим, — говорит подгулявший царь Пантелей. — Даже очень любопытно… Потешимся досыта.

— И что вам за охота на уродину смотреть? — вступилась было царица Луковна.

— А зачем она себя царскою дочерью величает?

Послали сейчас же послов за Босоножкой и привели перед царский шатёр. Царь Горох так и покатился со смеху, как увидал её. И горбатая, и хромая, и вся в заплатах.

Зачерпнула Босоножка воды в деревянный ковш и подала витязю

— Точно где-то я тебя, умница, видел? — спрашивает он, разглаживая бороду. — Чья ты дочь?

Босоножка смело посмотрела ему в глаза и ответила:

— Твоя, царь Горох.

Все так и ахнули, а царь Пантелей чуть не задохся от смеху. Ах, какая смешная Босоножка и как осрамила царя Гороха!

— Это я знаю, — нашёлся царь Горох. — Все мои подданные — мои дети…

— Нет, я твоя родная дочь Горошинка, — смело ответила Босоножка.

Тут уж не стерпела красавица Кутафья, выскочила и хотела вытолкать Босоножку в шею. Царь Горох тоже хотел рассердиться, но вовремя вспомнил, что он добрый царь, и только расхохотался. И все стали смеяться над Босоножкой, а Кутафья так и подступает к ней с кулаками. Все замерли, ожидая, что будет, как вдруг выступил из толпы витязь Красик. Молод и горд был Красик, и стало ему стыдно, что это он подвёл бедную девушку, выставил её на общую потеху, да и обидно притом, что здоровые люди смеются и потешаются над уродцем. Выступил витязь

Красик и проговорил:

— Цари, короли, витязи и славные богатыри, дайте слово вымолвить… Девушка не виновата, что она такою родилась, а ведь она такой же человек, как и мы. Это я её привёл на общее посмешище и женюсь на ней.

Подошёл витязь Красик к Босоножке, обнял её и крепко поцеловал.

Тут у всех на глазах случилось великое чудо: Босоножка превратилась в девушку неописанной красоты.

— Да, это моя дочь! — крикнул царь Горох. — Она самая…

Спало колдовство с Босоножки, потому что полюбил её первый богатырь, полюбил такою, какою она была.

Я там был, мёд-пиво пил, по усам текло — в рот не попало.

